

РАЗВЕДЧИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В Вихре Времён

Эдгар КРЕЙС

В вихре времен

Эдгар Крейс

Разведчик Петра Великого

«Махров»

2020

УДК 94
ББК 63.3(0)

Крейс Э.

Разведчик Петра Великого / Э. Крейс — «Махров», 2020 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-00155-165-2

Оперативник МУРа Николай Бельский в центре бурных событий семнадцатого столетия. По тайному приказу царя Петра Алексеевича бывший сыскарь вместе с друзьями прибывают во Францию ко двору Людовика XIV. Николай изящно плетет интриги, чтобы получить «допуск к телу» «Короля-солнце». Но Париж – всего лишь промежуточный этап операции по проникновению в самое сердце враждебной Османской империи. Грядёт очередная война и новый раздел Европы, и Бельскому нужно, чтобы его страна стала победительницей в этой кровавой бойне, вышла к морю и закрепились в статусе Великой державы. Никто и ничто не сможет остановить лучшего разведчика Петра Великого на пути к этой цели!

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-165-2

© Крейс Э., 2020
© Махров, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдгар Крейс

Разведчик Петра Великого

© Крейс Э., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

Глава 1

Побег из Равы

Август 1698 года оказался весьма капризным месяцем. Лето напоследок не очень-то баловало людей своим постоянством. Тепло сохранилось только отчасти, а плотные дождевые тучи стали всё чаще и чаще закрывать от человеческого ока голубое небо. Утренние заморозки начали помаленьку сковывать лужицы тонкой коркой льда, а солнце что-то уж больно легко стало сдавать свои позиции. Только что прародитель жизни на грешной Земле безмятежно радовал людей своим теплом и светом, и вот внезапно налетает порывистый северный ветер и всё небо поспешно заволакивают свинцовые тучи. Словно слёзы обманутой девицы срыва-ются вначале первые нерешительные капельки, но через минуту-другую тяжёлые и холодные потоки воды идут в наступление сплошной стеной. Ветер бесцеремонно куражится над водяными потоками, заставляя их хлестать то в одну, то в другую сторону. Укрыться от взбесившихся струй даже под густой кроной старого дерева нет никакой возможности. Тем, кто где-то там наверху, зачастую совершенно безразличны дела людские – их заботы и страдания. Похоже, что там иногда дюже серчают на людей – за их гордыню, тщеславие, непомерную жадность. Вот тогда уж извольте не обижаться на Бога. Кто не спрятался – он не виноват. Не зря ведь народная мудрость гласит: «На Бога надейся, а сам не плошай!».

С утра в тот день погода была просто великолепная. Ярко светило августовское солнце. Небольшие белые облачка где-то там далеко, на горизонте. Всё хорошо, можно сказать – хорошо, уютно и по-летнему. Перед небольшой городской Ратушей в маленьком польском городке Рава, тот что расположился немного севернее Львова, собралась пёстро разодетая толпа вельмож. Это была свита двух высокородных особ, к которым примешалось некоторое количество досточтимых правителей городка, а также его знатные жители. Царь Всея Руси Пётр I с немалой свитой возвращался в Москву после длительного пребывания в Европе, а новоиспечённый король Польши Август II Сильный со своим войском впервые шёл войной на османов. Ещё накануне, в Вене, послы двух государей договорились о встрече в Раве. И вот по случаю успешного окончания переговоров было решено устроить торжественный ужин, а заодно и небольшой бал. Оба владыки были молоды как душой, так и телом. Крепки физически, и поэтому они жаждали заниматься не только одной политикой, но и были весьма охочи до самого разного рода развлечений. Кроме того, Август II Сильный был благодарен высокому московскому гостю за оказанное ему содействие в получении польской короны, и оттого хозяин расстарался на славу. По его приказу праздничные столы накрыли с великим тщанием, прямо в саду под открытым небом, рядом со зданием Ратуши. Несмотря на ограничения, которые налагали походные условия, новый польский король не желал ударять в грязь лицом перед своим новым союзником. Вместе с Августом II приехал обширный обоз со всякой утварью. Оттого стол изобиловал богатой сервировкой из чистого золота и серебра. Блистал и дорогой, разукрашенный замысловатыми рисунками фарфор. На столах в бесчисленных тарелках, кувшинах, супницах и вазах можно было найти всё чего только душе угодно. Многочисленные, изысканные закуски ожидали своих высокородных ценителей, а слуги в тяжёлых, расшитых золотыми нитями ливреях, закончив сервировку стола, выстроились плотной шеренгой немного поодаль от него и теперь ждали, когда именитые гости соизволят занять свои места.

Десятка три польских бомбардиров немного поодаль суетились у орудий. Они готовились к вечернему торжественному салюту по случаю образования нового союза двух государств против теперь уже единого врага – шведского короля Карла XII. Новый польский властитель имел свои, далеко идущие виды на Лифляндию, которую он намеревался при помощи русского

царя отнять у шведов и тем самым расширить уже и без того великие земли Польско-Литовского княжества.

А меж тем приглашённая по случаю большого праздника местная шляхта вместе с правителями города, как и свита их величеств, неспешно дефилировали по небольшому саду, демонстрируя окружающим свои дорогие наряды. Разбившись на отдельные небольшие группы по интересам, они беседовали и наслаждались ещё по-летнему зелёным садом, но не забывали и оценить: кто с кем водит дружбу и насколько хорошо выглядит. Правда, сад был не очень велик и совершенно не соответствовал такому большому количеству скопившегося люда. Впрочем, и сама Ратуша, и город Рава тоже были невелики по размерам. Празднично разодетые вельможи уже мысленно ощущали себя за столом и желательно поближе к царственным особам, дабы те их приметили и при случае не забыли. Вдруг какая-никакая непыльная, но доходная должность при дворе освободится. Вот Его Величество, может, и вспомнит о хорошем, весёлом человечке, которого ему удосужилось повидать.

Вот-вот церемониймейстер должен объявить о появлении на крыльце властителей тронов союзных государств, и тогда с их великой милости начнётся торжество. Но буквально в какие-то считанные минуты тучи закрыли небо до самого горизонта. Резко похолодало, а ветер стал всё усиливаться и усиливаться. Вскоре это уже был не ветер, а настоящий ураган.

Его мощные порывы срывали с голов высокородных господ дорогие шляпы. По воздуху летели старательно напудренные парики, разноцветные ленты и прочая мелочь. На празднично разодетых дамах тяжёлыми парусами развивались и хлопали подола длинных платьев. Женщины кричали от ужаса. Некоторые из них от нахлынувшего вместе с непогодой страхом без чувств падали на землю. Другие дамы, чтобы хоть как-то противиться озверевшему ветру, хватались за что только могли: за столы, деревья, своих кавалеров, которые и сами не знали, за что бы им самим покрепче ухватиться.

Не щадил ветер и белоснежные скатерти на столах. Они вместе с роскошным фарфором и золотыми кувшинами взлетали в воздух, чтобы упасть в грязь. Хрупкий дорогой фарфор разбивался вдребезги, а кувшины опрокидывались и катились по размокшей от дождя земле. Дорогая еда и изысканные напитки перемешивались с мощными, бурлящими потоками дождевой воды и образовывали неприглядную субстанцию. Бурные ручьи грязи текли вниз по направлению к небольшой речушке. Буквально через мгновение к обрушившемуся на землю мощному водопаду присоединился град. Его тяжёлый грохот по опустевшим широким столешницам дополнил мощный шум от неимоверного потока воды. Не заставила себя долго ждать и королева небесного зрелища – августовская гроза. Грохот и вспышки ярких молний перемешались с кудяхтаньем перепуганных дам и криками взволнованных господ. Разодетые вельможи испуганно метались по саду, выискивая для себя безопасное местечко, где можно было бы переждать обрушившуюся на их головы непогоду. Самые «храбрые» из господ бросили своих дам и сквозь стену дождевой воды в остро-голубоватом свете ярких вспышек молний рванули через сад к зданию Ратуши. Для них её каменные стены показались более надёжной защитой от разбушевавшейся стихии, чем хлипкие кроны садовых деревьев. Тем временем ветер безжалостно рвал на них листья и ломал ветки. Наземь летели обломки крупных и мелких сучьев попеременно с истерзанными в хлам листьями. Деревья под адскими порывами ветра нещадно гнулись и тресали, угрожая вот-вот переломиться. Иногда мощному ветру удавалось одолеть сопротивление древесины, и тогда внезапно раздавался оглушительный треск. Он был подобен залпу пушки. Вот толстый ствол старого дерева обрушился наземь прямо на стол, на котором ещё совсем недавно красовалась посуда из дорогой коллекции королевского венецианского сервиза.

В это ненастное время, когда добрые люди прятались по домам от непогоды и не выпускали во двор даже своих собак, Николай с друзьями – Алексеем Никифоровичем и Андреем Яковлевичем – совершенно не обращали никакого внимания на творящийся вокруг них ужас.

Они мчались по просёлочной дороге, раскисшей от мощных потоков дождевой воды. Конечно, они старались понапрасну не подвергать опасности своих лошадей. Те, хоть время от времени и вздрагивали от неожиданных мощных раскатов грома, но всё-таки были боевыми лошадьми и должным образом подготовлены, а оттого знали свою службу весьма хорошо. Кони были уверены в твёрдой руке своих хозяев, а хозяева – в их разумности и выносливости. Николаю и его друзьям необходимо было как можно скорее убраться подальше от города Рава, а непогода сейчас была на их стороне. Внезапно разбушевавшаяся стихия сейчас им была только на руку. В этой суете про пропажу главы царской охраны и его помощников вспомнят не сразу. Сейчас никому до беглецов нет дела. Перепуганным вельможам самим бы не погибнуть от падающих тяжёлых стволов деревьев или от летящих с крыш домов осколков черепицы. Для дворцовых людей более актуальным было уберечь себя от шального удара разряда молнии и дожить до очередной милости своего властителя.

Лишь царь Пётр вопреки разбушевавшейся непогоде стоял твёрдо и непоколебимо на крыльце Ратуши. Хлипкая невысокая балюстрада отделяла его от потемневшего сада, где правил бал проказник-ветер. Русского царя нисколько не пугала разбушевавшаяся стихия. Нипочём ему был холодный дождь с беспощадным ветром. Пётр буквально наслаждался разгулом внезапно разбушевавшейся стихии. Он всеми фибрами души впитывал в себя её мощь и силу, ибо его собственный характер был подобен той же самой неугомонной и непонятной стихии. И буря, и царь чувствовали взаимное родство. Они, казалось, понимали друг друга. Очень скоро царь Пётр сам, своими собственными деяниями будет подобен мощному урагану. По его приказу помчатся по просторам великой Руси новые люди.

Им будет суждено ломать старое, выкорчёвывая отживший свой век непролазный бурелом застенелости и непросвещённости. Мощная, безудержная стихия государя должна расчистить место для новой, молодой поросли, чтобы не дать старому бурелому подавить ещё неокрепшие побеги его трудов. Чтобы эти побеги могли набрать силу и овладеть просторами бескрайней державы. Чтобы произвести на свет плоды удивительной мощи и красоты. Новую державу. Во имя лучшего будущего Отчизны. Царь верил, что его поездка в Европу оказалась совершенно не напрасной. Вместе с ним на Русь возвращается как раз та самая молодая поросль, которая должна будет занять место ретроградов, не дающих стране свежего воздуха. Задача молодых – дать новую жизнь древнему сердцу Руси-матушки, заставить его биться сильнее, увереннее и напористей. Нужно за короткий срок создать воистину непобедимое государство, где каждому найдётся место согласно его труду и умению. Победить или проиграть. Другого пути для Руси Пётр Алексеевич не видел. Времени осталось совсем мало, а дел – немерено.

Холодная дождевая вода ручьями стекала по лицу царя, а промокшие чёрные кудри волос исполошённо металась под озверелыми порывами ветра. В глазах властителя Руси бушевали отсветы ярких вспышек молний, а он сквозь плотную стену ливня пристально смотрел на размытую дождём дорогу. Та шла на юг, прочь из Польши. По ней, должно быть, где-то уже совсем далеко летели его люди. Сквозь дождь, подгоняемые северным ветром на юг. «С Богом, мои верные соколы! Доброй вам охоты на врагов Отечества нашего и пусть Небесный Владыка на этот раз будет на нашей стороне! Не за себя прошу, Господь наш покровитель, а лишь за Отчизну и за Народ свой прошу Тебя! Смилуйся над нами грешными, которые аки слепые котятка сейчас ищут путь к познанию и просветлению ума своего! Не оставь нас в заботах об Отечестве нашем! Помоги и просвети нас! Помоги нам усмирить османов! – мысленно молил Всевышнего русский царь, – Эх, была бы здесь православная церковь, пусть даже самая захудалая, – всю ночь бы на коленях перед Твоим Святым Ликом простоял, Господи! Но за неимением достойного места для моления позволь хотя бы здесь попросить Тебя о великой милости: не оставь людей моих в их трудном и опасном пути! Помоги им, прошу Тебя!» Закончив молитву, царь тяжело вздохнул, ещё трижды перекрестился, а заодно перекрестил и виднев-

шуюся вдали дорогу, по которой совсем недавно ускакали его люди. Он один знал – куда и зачем те отправились под покровом озверевшей в своей безжалостности погоде.

За спиной Петра Алексеевича тихо открылась дверь, и на пороге Ратуши показался разодетый в дорожные одеяния польский король. Он лишь опасливо высунул голову, поморщился от попавших ему на лицо пары капель холодного дождя и нетерпеливо махнул рукой русскому царю. Затем закричал, пытаясь пересилить рёв стихии. Новоиспечённый король старался не подавать виду, что буря сумела его каким-либо образом напугать.

– Вот ты где, мой друг! А я уж было тебя потерял в этой дурной суматохе! Иди же скорее в дом, ты совершенно промок! Не дай бог ещё простынешь! Мои слуги уже в главной зале накрыли новый стол и с новой посудой. Я прикажу им немедленно преподнести тебе горячего вина!

– Ни шо, мой друг и брат! – обернувшись и хитро прищурившись, произнёс Пётр Алексеевич. – Не суетись понапрасну! Мы, великорусы, народ крепкий, и не такие бури способны выдержать! Ты бы, брат мой, на моих северных поморов посмотрел! В какую погоду эти черти морские со своими утлыми лодчонками по буйному, промозглому морю ловко заправляют. Вот где настоящая сила человеческого духа над бездушной стихией! А у тебя тут так, всего лишь дохлый ветерок да небольшой дождичек! Скоро всё утихнет и забудется!

Русский царь ещё раз быстро оглянулся на еле видневшуюся сквозь плотную стену ливня размокшую дорогу и порывистым шагом направился к стоящему в двери Ратуши польскому королю.

А Николай с друзьями продвигались всё дальше и дальше на юг, по пустынным польским дорогам. Злая непогода как предвестница новой войны сильно пугала людей. Набожные поляки молились и просили у Господа заступничества. Страна готовилась к большой войне, и оттого праздных путников на дороге попадалось крайне мало. Никто из местных жителей не хотел попасться на пути следования королевского войска. Добровольно идти в солдаты – желающих не было. Лучше уж прятаться по скудным польским лесам да побираться чем попало, но зато хозяин не выдаст их королевским рекрутёрам. А уйдут рекрутёры, можно и обратно к хозяину вернуться. И барину хорошо – работник при деле остался, и холопа не застанет быстрая гибель от шальной пули или острого ятагана султанских янычар.

Друзья ехали не останавливаясь до тех пор, пока уже совсем не стемнело. В потёмках вблизи развилки двух дорог они наткнулись на невзрачную корчму. Ворота были уже плотно заперты, а от порывов ветра на ржавой цепи с протяжным скрипом раскачивалась старая деревянная доска. Приглядевшись, Николай с трудом разобрал название корчмы: «Дорожный Крест». Запоздалых гостей в этом «Кресте» явно не ждали. Громкий, настойчивый стук по воротам заставил хозяина выйти на порог дома. Спускаться с лестницы из тепла в раскисшую грязь да под холодный дождь ему совсем не хотелось.

– Кого это там на ночь глядя несёт да честным людям спать не даёт? – громко и надменным тоном закричал дородный мужчина припозднившимся гостям.

– Открой, хозяин! Во имя святой церкви, пусти на постой бедных слуг Господа! – заговорил зычный молодой голос на латыни.

Владелец корчмы из-под покосившегося навеса с неохотой посмотрел на тёмное небо, с которого моросил нудный, по-осеннему промозглый противный дождь. Скривил недовольно лицо и зябко поёжился. По воротам вновь нетерпеливо забарабанили.

– Да иду-иду уж! – раздражённо прокричал хозяин постоянного двора и, не торопясь, вернулся в дом за короткой, выдавшей виды курткой-дерюгой, которой и дождь не страшен, и грязь не так липнет.

Заодно прихватил с собой увесистый топор и лишь потом направился к воротам. По дороге ещё заглянул в хлев. Растолкал дрыхнувшего в сене здорового слугу да взял со стены факел. Теперь он был готов встречать нежданных ночных гостей. Слуга же, лениво почёсыва-

ясь и натужно зевая, непонимающе посмотрел на хозяина. Но, услышав нетерпеливый стук по воротам, быстро вскочил на ноги, схватил вилы и пошёл следом.

Давненько не смазываемые дёгтем петли ворот натужно заскрипели, и взору хозяина, корчмы и его единственного слуги предстали трое рослых мужчин в чёрных рясах. Их лица скрывала тень. Глубокие капюшоны защищали не только от дождя, но и от нежелательного чужого взгляда. «Монахи-иезуиты» по-господски сидели верхом на дорогих лошадях и свысока смотрели на стоявших внизу людей.

– Такпустишь слуг Господа, сын мой, на порог дома своего или оставишь дальше под дождём мокнуть? – степенно спросил у хозяина самый рослый из троицы.

Корчмарь не торопился с ответом. В левой руке он держал чадающий факел и всё пытался разглядеть лица своих неожиданных гостей. Правая крепко сжимала рукоять топора. За спиной у него стоял слуга с вилами наперевес. Время предвоенное. Всякие люди по дорогам сейчас могут шляться, а тем более ночью. Николай же отнёсся к вооружённым людям спокойно. Время действительно позднее и беспокойное, а корчмарь хочет себя обезопасить. Между тем тот продолжал молча глядеть на гостей и размышлять. Уже давно порог его корчмы не переступали церковные люди, да ещё на ночь глядя. Но действительно ли это люди церкви? Николай решил попробовать разговорить молчаливого корчмаря.

– Лютая непогода нас задержала по пути из Львова, где мы были по делам церкви в Соборе Успения Девы Марии, – певуче, басом произнёс бывший опер и перекрестился как истинный католик, при этом не забывая присматривать за руками хозяина корчмы и его слуги.

Вместе с Николаем синхронно перекрестились Алексей Никифорович и Андрей Яковлевич, а Николай продолжал объяснять:

– Одежды наши промокли, а мы сами замёрзли и хотим есть. Во имя пресвятой Девы Марии и во имя спасения собственной души грешной прояви милость ипусти ночных путников. Благие дела угодны Господу. Он всё видит и всё слышит и бойся того дня, когда Всевышний призовет тебя к последнему ответу. Поторопись спасти свою душу, ибо сейчас ты можешь уберечь от холода и голода трёх слуг Господа нашего! А это целых три благостных дела за один раз.

Пока гость говорил, хозяин думал о собственной выгоде. Он знал, что церковные люди, несмотря на свои сладкие речи, всегда больше забирают, чем дают. С другой стороны, с церковью ссориться ему было совершенно ни к чему. Но, опять же, проходившее накануне мимо корчмы войско короля в конец обобрало весь его двор. «Заразы, свиней и кур и тех утащили с собой. Благо, хоть успел припрятать от них свежий копчёный окорок и несколько цыплят. Теперь хочешь не хочешь, а придётся их зарезать. Снова убыток, а заплатят ли – ещё неизвестно. Непустишь, так могут пожаловаться нашему ксёндзу. Тогда можно и постоянный двор потерять. Но тут корчмарь посмотрел на притороченные к лошадям туго набитые мешки, и в его голову пришла идея, как можно пожить на чужеземных монахах. «А кто сказал, что они успеют пожаловаться нашему ксёндзу? Никто в местном приходе об этих монахах ничего не знает. На дворе сейчас ночью, из соседей никто их не видел, а значит...» – быстро прикинул в уме свою выгоду хозяин корчмы и тут же, словно по мановению волшебной палочки, преобразился. Стал добрым и приветливым. Хозяин корчмы быстро передал топор слуге. Заискивающе заулыбался гостям, особенно Николаю, и стал низко-низко кланяться. Накланявшись вволю, он торопливо кинулся помогать главе монахов спуститься с лошади.

Одновременно корчмарь старался держать факел повыше, чтобы получше осветить путь гостям, а заодно и попытаться под широкими капюшонами рассмотреть их лица.

– Как можно отказать святым людям в приюте, да ещё на ночь глядя? Страшный гнев Господа нашего обрушится на голову тех, кто не поможет путнику в дороге, а уж его слугам – сам Бог велел всем и всегда помогать! – елеиным голосом приговаривал владелец корчмы, суется у ног рослого монаха.

Николай с друзьями переглянулись. От них не укрылась короткая заминка в поведении хозяина корчмы и его чудесное преображение. Но сегодня выбирать место ночлега им уже не приходилось. На ночь на улице под холодным нудным дождём оставаться друзьям совершенно не хотелось. Целый день провели в дороге. Пора было дать мышцам отдохнуть, а телу согреться. Так что «святые отцы» степенно кивнули в знак согласия и, не торопясь, спешились.

Прихватив тяжёлые торбы, они молча направились к корчме, а хозяин, быстро выглянув за ворота, внимательно огляделся по сторонам. Вокруг было сумрачно, сыро и – на радость ему – ни души. Приказав слуге отвести лошадей в конюшню и закрыть ворота, корчмарь засеменил вслед за гостями. Время от времени его фантазии уводили его к содержимому больших тяжёлых мешков, которые несли с собой ночные гости. Старый хозяин корчмы много слышал о несметных богатствах церкви, а особенно слуг таинственного ордена иезуитов. Те, должно быть, несли в свою обитель всё то, что сумели добыть в долгих странствиях. Корчмарь прикинул в уме, сколько в таких тяжелых мешках может быть добра, и у него даже голова слегка закружилась от подобной мысли. Ведь только самый наивный поверит, что монахи рискуют жизнью в дальних странах лишь для того, чтобы нести дикарям слово Господа. По гостям сразу было видно, что они иноземные миссионеры. Вот и получается, что эти монахи-иезуиты могли везти с собой в далёкий Рим золото и драгоценности! «Вон какие у них мешки тяжёлые! Точно золото! А если монахи по дороге пропадут? Завтра-послезавтра война. Вокруг разруха и смерть. Тогда всё и вся перемешается, люди будут пропадать сотнями. А может, даже не один год война продлится. Так кто их здесь искать-то будет? Последним дураком буду, если упущу свою выгоду!» – размышлял владелец корчмы, исподволь косясь на гостей.

Этот старый прохиндей иногда баловался тёмными делишками. Брал грех на душу. На его шее в городе сидели любимая дочка с двумя мальцами. Нужно ей было помогать растить внуков, а как тут поможешь, если постояльцы почти совсем перевелись. Бывало, что останавливались в его корчме на ночь одинокие путники, а на следующий день поутру уже за ворота не выезжали. Так и пропадали бесследно. Только свиньи корчмаря всё толстели и толстели, а новые постояльцы ели да нахваливали вкусное, сладкое мясо. Единственный немой и неграмотный слуга даже при всём желании не мог бы выдать своего хозяина. А дочка из города регулярно навещалась к отцу за деньгами и вещами, которые потом сама и продавала на рынке. Иногда она и сама помогала отцу завлечь одинокого путника в его корчму. Пока Бог миловал охотника за чужим богатством, и никто не удосужился связать исчезновение людей с одиноко стоящим на перекрестье дорог «Дорожным Крестом». Времена в Польском королевстве шли лихие и голодные. Люди были обозлены от такой жизни. Так что всякое с одиноким путником в дороге могло случиться. Разбойного люда в Польском королевстве было предостаточно.

Когда гости поднялись по шаткой деревянной лестнице на крыльцо корчмы, хозяин шустро забежал вперёд и, низко кланяясь, открыл перед Николаем дверь. Его рука сама собой потянулась к пухлому мешку, который нёс рослый священник, но гость лишь сурово посмотрел на дородного мужичка и сделал назидательное внушение на латыни. Корчмарь тут же отпрянул в сторону и скороговоркой заискивающим тоном зачастил:

– Не подумайте ничего предосудительного, святой отец! Я лишь только хотел вам помочь занести тяжёлую поклажу в дом!

– Не суетись, сын мой! С помощью Господа мы уж как-то сами справимся с нашей непосильной ношей! – улыбнулся Николай, но от этой улыбки у хозяина корчмы предательски вспотел затылок.

– Конечно-конечно! Сами так сами! Святым людям оно виднее! Эй, Томашек, где там тебя нечистая носит! Тьфу ты, Господи, прости мою душу грешную! Не к ночи, да ещё и не перед святыми людьми будет сказано такое. Давай беги, дармоед, скорее сюда! Святым людям некогда тебя, недотёпу, долго ждать! Они уже кушать и отдыхать изволят!

Из конюшни тут же выскочил шустрый и крепкий в плечах слуга и бегом помчался к дому. Вприпрыжку заскочил на крыльцо корчмы и пулей проскочил мимо зло поглядывающего на него хозяина да тут же скрылся на кухне. Николай сделал вывод, что этот слуга здесь един во многих лицах.

– Располагайтесь, святые отцы! – добродушно указал хозяин на стол в углу небольшого обеденного зала.

Там стояли ещё пара столов, но они были пусты. Николай прислушался. Абсолютная тишина. Похоже, что, кроме них, хозяина и здорового слуги, никого в доме не было. «Ни одного постояльца! Не отравил бы нас какой-нибудь гадостью этот суетливый корчмарь!» – внезапно подумал Николай и взглянул в суетливо бегающие глазки хозяина.

Затем посмотрел на своих товарищей. Они тоже как-то не слишком по-доброму глядели на дородного мужичка, вертящегося будто уж на сковородке, но тем не менее стали неторопливо и степенно располагаться за столом.

Хозяин посетовал, что ему нужно срочно отлучиться на кухню, чтобы отдать распоряжение слуге. Откланявшись, он быстро скрылся за криво повешенной рваной занавеской. Вскоре слуга принёс небольшой кусок холодной буженины да скромный кувшин красного вина, а в придачу три луковицы и три ломтика грубого ржаного хлеба. После чего тут же удалился. Через полчаса он вновь вышел с пышущим жаром блюдом в сопровождении хозяина корчмы. На медном подносе лежала чахлый запечённый цыплёнок. Вокруг него лежали кружки репчатого лука да немного варёной репы. Недоросток-цыплёнок был безбожно худ, но с дороги и голодухи и таких едят. Аромат жареного лука да румяной корочки буквально сшибал с ног, но изголодавшие путники стойчески держались и не притрагивались к еде.

Хозяин уже хотел было узнать, по вкусу ли гостям пришлась буженина, но увидел, что та осталась нетронутой. Так же как и его хлеб с луком. А тем временем святые отцы молча перекрестились и встали из-за стола. Самый рослый и, видимо, старший из них заворачивал в чистую белую ткань оставшиеся полкаравая чёрного хлеба. Мысль о скряжничестве служителей Господа вновь яркой молнией вспыхнула в голове старого корчмаря. Он даже слегка изменился лицом, но постарался быстро овладеть собой и озабоченным голосом поинтересовался:

– И что же вы, так и не откушаете с таким тщанием приготовленную для вас еду? Вы же так промокли и продрогли от холода, да и должно быть страшно голодны! Жареный молодой цыплёнок да с вином сейчас бы лучше, чем что-либо другое, оберёг вас от простуды и добавил бы сил!

А аромат-то какой от него идёт! А вкус – пальчики оближете от удовольствия!

– Наш покровитель и основатель ордена – Святой Игнатий, велел нам почаще поститься в дороге и при том усердно молиться! А от болезней нас сам Господь оберегает! – как ни в чём не бывало ответил Николай, при этом неторопливо зашнуровывая торбу. Хозяин корчмы запоздал. Он попытался заглянуть внутрь мешка, но лишь столкнулся взглядом с монахом. А когда тот встал, то оказался чуть ли не на две головы выше низкорослого корчмаря. – Отведи нас в комнату, сын мой! Нам пора отдыхать. Завтра, во имя Господа нашего, мы вновь продолжим свой путь в Святой Рим!

Николай и его друзья, как прилежные католики, неспешно перекрестились, а заодно поблагодарили Всевышнего за хлеб насущный. После благодарения бывший опер и его друзья ещё какое-то время стояли со сложенными на груди ладонями и многозначительно смотрели в потолок. Корчмарь стоял рядом и лишь переминался с ноги на ногу. Слуга растерянно глядел на лежавшую на столе нетронутую буженину. Она источала такой неопишемый аромат, что у бедолаги даже непроизвольно заурчало в животе и потекли слюни. Хозяин недовольно посмотрел на него, но слуга лишь стиснул зубы и изо всех сил старался держать себя в руках, ибо знал, что вкусное мясо после колдовства хозяина становится дьявольской отравой. А если не хочешь добровольно отправиться к праотцам, то лучше к нему не притрагиваться. Верный

слуга с трудом отвернулся от мяса и посмотрел на хозяина. Тот глазами ему указал на лестницу, ведущую на второй этаж дома. В это время и монахи закончили свой молебен.

– Поднимайтесь наверх, святые отцы. В комнате, которую я для вас подготовил, вы сможете снять ваши мокрые одежды. Мой слуга их высушит, а к утру вы снова сможете продолжить свой путь во славу Господа уже в сухих одеяниях.

Николай ничего не ответил, лишь согласно кивнул и вместе с друзьями вслед за слугой стал подниматься на второй этаж. Отведённая им комнатка оказалась совсем крошечной. В ней еле-еле поместились четыре небольших топчана, покрытые замызганными, вонючими одеялами. В изголовьях лежали издававшие виды куцые подушки, набитые соломой. Показав комнату, слуга удалился, а друзья закрыли дверь и огляделись. Клоповник оказался ещё тот.

– Слугам Господа надлежит быть скромными в потребностях своих и довольствоваться малым! – громко и назидательно на латыни произнёс Николай.

Алексей Никифорович непонимающе пожал плечами, на что Андрей Яковлевич молча указал на закрытую дверь, за которой раздавался еле-еле слышимый тихий шорох. Николай снял с себя рясу. То же самое сделали и его товарищи. Затем он осторожно подкрался к двери и резко распахнул её. Перед ним, согнувшись буквой «зю», стоял слуга хозяина корчмы. От неожиданности тот приподнял голову и испуганно посмотрел на нависшего над ним Николая. Затем на остальных рассерженных и воинственно настроенных «святых отцов» в белых рубахах и высоких сапогах. Их лица не предвещали ничего хорошего. Слуга хотел сразу рвануть прочь, как неожиданно рослый иезуит схватил его за шиворот. Великан словно пушинку развернул к себе слугу. Сунул ему в руки ворох намокших под дождём шерстяных ряс и повелительным тоном сказал:

– К утру чтобы были сухими и чистыми! Понял меня, сын мой?!

Неизвестно, что слуга понял из сказанного ему на латыни, но рванул он с места, словно за ним гналась целая стая злых собак. Чуть ли не кубарем скатился по лестнице и, опасливо оглядываясь, побежал на кухню. Прочь от этих странных святош.

Николай осмотрелся. Хозяина заведения было не видно и не слышно. Николай под тихий смех друзей закрыл дверь и улыбнулся. Неожиданно заржали в конюшне их лошади.

– Кабы этот ирод с нашими кониками чего не сделал? – заволновался Алексей Никифорович.

– Не тронет он их, – безразлично пожал плечами Андрей Яковлевич.

– А ты это почём знаешь?

– Видел, как у этого басурманина глазки загорелись, когда он их увидел? От вида дорогих лошадей его жаба чуть не задушила! Он дыхнуть на них теперь лишний раз побоится. Одна такая лошадка целое состояние стоит. А сейчас у него на конюшне три таких лошади! Вот когда мы уснём, а он нас убьёт, вот тогда он наутро помчится на базар их продавать! – рассмеялся бывший глава Посольского приказа Ивана Васильевича.

– Типун тебе на язык, Андрюха! – рассердился Алексей Никифорович.

– А всё-таки, други мои, в этом грязном клоповнике мне что-то сегодня совершенно не хочется ночевать! – вдруг безапелляционно заявил Николай.

Спорщики разом повернули к нему головы и почти в один голос произнесли:

– Что ты сказал?

– Говорю, что неохота мне здесь ночевать!

– Нам тоже неохота здесь спать на замызганных, подгнивших топчанах с кровососущими животными! – тяжело вздохнул Алексей Никифорович. – Лучше уж на попоне да на земле в поле, с седлом под ухом спать, чем здесь оставаться! Да, к сожалению, на улице сегодня холод и сырость! Где нам прикажешь ночевать, если не здесь?

– А я бы хоть одну ночьку да поспал у себя дома в Москве. На своём старом, добром диване! Заварил бы кофейку. Поужинал бы на своей крошечной кухоньке. Эх, ностальгия!

Сколько уж лет я не был в своей квартире! Аккурат с того дня, как продал её бандитам за партию оружия для обороны Пскова. Даже иногда по ночам мне сны снятся, что я достаю из кармана брюк связку ключей, открываю дверь и вхожу в свою родную квартирку. Что-то мне кажется, что мой бывший начальник убойного отдела, Александр Сергеевич, успел эту банду взять раньше, чем они сподобились переоформить и продать мою квартиру. – с грустью произнёс бывший опер.

– Не исключаю такую версию, Николай. – согласился Алексей Никифорович, – Адрес бандитского склада оружия твой начальник от тебя получил в тот же день. Так что возможно, что он во избежание эксцессов оперативно повязал всех причастных к делу о нелегальном хранении оружия. А родной дом – это, конечно, дело очень хорошее! Но как туда пробраться? Разве что из катакомб в окрестностях Москвы нашего незабвенного царя Ивана Васильевича.

– А помните, как мы после пожара на варшавском постоялом дворе всю ночь провели в каком-то кабинете госбезопасности на Лубянке? Как поутру в этот самый кабинет ломился какой-то майор с пистолетом в руках и грозился всех перестрелять, а ты, Николай, тогда дрых без задних ног! Только после того, как он выстрелами высадил замок, еле-еле сумел очухаться, – рассмеялся Андрей Яковлевич, но поглядел на грязные топчаны с насекомыми и призадумался. – А не повторить ли нам, ребята, тот самый варшавский побег? Помните, как мы из горящей польской корчмы удирали? Может, что-то получше этого клоповника нам подвернётся для доброго сна? Рискнём, братцы! А если что не так, то тут же назад ретируемся?

– Думаю, что вполне неплохая идея! Я лично за то чтобы поспать в другом месте! – согласился Николай.

Андрей Яковлевич поднял руку и призывно посмотрел на товарищей. Алексей Никифорович немного подумал и тоже проголосовал «за». Николай внимательно оглядел друзей. Попытался раскусить их: это они серьёзно говорят или просто так – шутят? Но, глядя на их совершенно серьёзные лица, неожиданно рассмеялся.

– Вы бы со стороны на себя посмотрели, великие путешественники по времени! В белых рубашках и сапогах да с поднятыми руками для голосования! Красота! Из вас или римские сенаторы, или неплохие ночные привидения получатся! Или даже можете сейчас сразу претендовать на главные роли в Большом театре! Не хотите на сцену Большого? А что! Полный аншлаг в зале, публика затаила дыхание, и мы гордо стоим втроем на сцене, все в белом!

Алексей Никифорович и Андрей Яковлевич внимательно оглядели себя, затем – Николая. Посмотрели на утлые топчаны с клопами, и что-то смеяться им совсем не захотелось.

– Но в чёрных рясах да в тёмных переулках Москвы было бы значительно круче! Меньше бы отвечивали! – продолжил улыбаться Николай.

Что-то его внезапно накрыла тоска по дому, и оттого он пытался смехом отогнать её от себя. Притронулся к небольшому кожаному мешочку, который постоянно висел у него на шее как талисман и гарант возвращения домой. Его друзья понимали его, ибо сами были с ним в одной лодке под названием «время». Они молча ждали чуда, как солдат срочной службы ждёт увольнительную в город. Пусть всего на часы, но вдохнуть призрачный воздух свободы.

Уже который раз перед Николаем с товарищами открывались ворота времени, но каждый раз на миг замирало дыхание: получится или не получится, а когда перед ними открывался другой мир, по спине пробегали мурашки от происходящего на их глазах чуда. Волшебный золотой орех был их общим талисманом. Путешественники по времени верили, что когда-то они снова вернуться в свои времена, но уже насовсем. А пока нужно было для начала помочь в Стамбуле русской дипломатической миссии. России нужен был мир с Османской империей.

Сняв с шеи мешочек, Николай вначале хотел его развязать. Достать из него золотой грецкий орех и, как обычно, провести им по стене, но передумал и задумчиво произнёс:

– А что, если попробовать касаться стены, не вынимая золотой орех из мешочка? Интересно – работает эта чудо-машина времени?

– Попробуй проверь, если тебе так уж любопытно! Хуже всё равно не сделаешь. Думаю, что ему не хватит чувствительности, и он просто не сработает! – с явным сомнением в голосе произнёс Андрей Яковлевич.

Николай набрал полную грудь воздуха, прямо как перед прыжком в воду. Отчего-то волновался. Очень хотелось, чтобы всё получилось. Снова полезли в голову воспоминания о том времени, когда он не так уж и плохо жил в своей однокомнатной московской квартирке. Исправно ходил на службу и не думал ни о каких путешествиях по времени. Вспомнил своего начальника убойного отдела в МУРе. Печально вздохнул и наконец провёл мешочком с талисманом по ближайшей от себя стене. Прошла минута. Ничего не произошло. Николай уже стал развязывать мешочек, чтобы достать из него золотой орех, но внезапно воздух привычно задрожал, и деревянная стена в комнате начала медленно таять. Прошло ещё полминуты, и перед глазами удивлённого Николая показалась та самая его московская квартира, о которой он только что так сильно мечтал. Бывший опер чуть не вскрикнул от удивления, но постарался сдержаться. Осторожно переступил мерцающую под ногами еле уловимую границу миров. Осмотрелся. Вроде в квартире всё было, как и прежде. Даже забытая им газета лежала на столе. По дивану разбросаны носки и рубашки, которые он так и не удосужился простирать. Всё выглядело так, словно хозяин квартиры только совсем недавно впопыхах убежал на службу и вот-вот должен вскоре вернуться обратно. Растерянно обернувшись к своим друзьям, Николай слегка дрогнувшим голосом произнёс:

– Вот и мой дом, друзья! Заходите ко мне в гости!

Товарищи хоть и удивились такому совпадению событий, но не стали заставлять долго себя упрашивать и тут же пошли следом за хозяином московской квартиры, но Алексей Никифорович притормозил, стукнул себя по лбу и воскликнул:

– А наши мешки! Что, мы их этому злодею-крохобору оставим, что ли?!

Друзья быстро ретировались обратно. Похватали свои тяжёлые торбы и тут же, пока ещё держался временной переход, побежали обратно. Вскоре стена стала восстанавливаться и крепкий бетон московской многоэтажки отделил их от комнатки в далёкой польской корчме петровских времён. Там, на деревянном полу, между низкими и узкими топчанами, пропахшими пóтом сотен постояльцев, остались от мешков лишь мокрые следы и больше ничего.

– Добро пожаловать в мой дом! – скромно произнёс Николай. – Это, конечно, не твои бывшие московские хоромы, Алексей Никифорович, и не твои, Андрей Яковлевич, но отсутствие клопов на сегодняшнюю ночь я вам гарантирую!

Алексей Никифорович оглянулся по сторонам, затем быстрым шагом подошёл к окну. Ему как-то всё ещё не верилось, что они в Москве. Отдёрнул в сторону ночные шторы и открыл окно. Высунулся по пояс наружу. А внизу люди, машины, автобусы, море света и шума. Перед ним как на ладони современная Москва. Алексей Никифорович не удержался и во всё горло воскликнул:

– Ёшкин кот, и впрямь Москва! Лепотища то какая! Идите скорее сюда, ребята! Вдохните наконец-то воздухом двадцать первого столетия!

С высоты четырнадцатого этажа и впрямь открывался неплохой вид. В отличие от промозглой Польши в Москве была тёплая, летняя ночь. Внизу горели яркие уличные фонари, а по многорядным полосам улиц неслись автомобили, автобусы, троллейбусы, маршрутки. По тротуарам куда-то спешили люди. Да и одеты они были по-простому, по-летнему: в майки, шорты, джинсы, кроссовки. Иногда на мужчинах встречались деловые костюмы, на женщинах лёгкие красивые платья. Хоть и была уже ночь, но Москва не спала. Приглушённый ночной шум рвался в окно скромной однокомнатной квартиры бывшего сотрудника московского уголовного розыска. Алексей Никифорович хотел ещё что-то крикнуть, но снизу на него зашикал недовольный женский голос:

– Эй вы там, наверху! Потихе себя вести можно?! Люди спать хотят, а не слушать ваши радостные вопли! Москву они, видите ли, впервые увидели! Прямо деревня какая-то понаприехала! Орут во всё горло прямо посреди ночи! Ни ума, ни культуры! Не могли хотя бы до утра подождать, чтобы наораться всласть?!

Алексей Никифорович попытался извиниться, но его уже никто не слушал. Внизу резко захлопнули окно, и в квартире Николая наступила тишина. Тесть осторожно влез обратно в комнату и тихо закрыл окно. Николай с Андреем Яковлевичем, глядя на сконфуженное лицо Алексея Никифоровича, негромко захихикали.

– Действительно, как-то неловко получилось, – извиняющимся тоном произнёс тесть и виновато поглядел на зятя.

– Ладно, Алексей Никифорович, можешь идти умываться, а я пока схожу на кухню. Посмотрю, что у меня там в холодильнике осталось. Не знаю, как вам, но мне что-то после хлебосольной польской корчмы сильно кушать охота! Правда, не даю никаких гарантий, что найду в холодильнике что-то съедобное. В последнее время я в управе в столовую ходил, а дома только завтракал и ужинал. Да и лет то уже сколько прошло, как я в последний раз свой холодильник затаривал!

– Не оправдывайся, Николай! В чистоте, в тепле ночку поспим, и то для нас хорошо! А я, пока Алексей Никифорович моется, телевизор посмотрю! Не возражаешь? Давненько я этого чуда света не видел! Даже уже не помню, когда это в последний раз и было! – скромно признался Андрей Яковлевич. – Вон он у тебя какой телевизор! Плоский, на стене висит! Я таких ещё никогда в жизни не видел! Импортный, наверное?

– Да нет, наш, российский!

– Да ну! – удивлённо воскликнул Андрей Яковлевич. – Гляди-ка, наш! Умеют же черти, когда захотят!

Бывший глава Посольского приказа подкрался к телевизору как кот к сметане и стал искать – как его включить. В его время советские телевизоры были огромными ящиками и без любимой семейной игрушки – пульта дистанционного управления. Этим пультом был обычно самый младший в семье. Николай улыбнулся, показал пульт и как им пользоваться, а сам отправился на кухню. На удивление, но холодильник исправно работал, хоть и прилично оброс пылью. Правда, пустовато в нём было. В морозилке нашлась только килограммовая упаковка пельменей и полпачки сливочного масла, а на полке – пара бутылок пива. Всё. На этом «скатерть-самобранка» сказала: «Хватит жрать!» «М-да! – грустно вздохнул Николай. – Негусто. Даже хлеба, и того нет!» Решил, пока тесть принимает душ, а Андрей Яковлевич играет с телевизором, сбегать в дежурный магазин за хлебушком и прочим. Нашёл в шкафу заначку, взял ключи от квартиры, быстро переоделся и уже из коридора крикнул, что сейчас вернётся.

– Ты куда? – крикнул Андрей Яковлевич.

– Тут недалеко. Я быстро. За хлебушком и обратно, – ответил Николай, закрыл дверь на ключ и помчался в дежурный магазин.

Всего-то за дом завернуть, а там через двор, потом в подворотню и на соседнюю улицу. Оделся легко. Рубашка и джинсы. Кошелёк в нагрудный карман. Добежать-то всего пять минут туда и пять – обратно. Быстро проскочив двор, Николай хотел так же быстро проскочить тёмную подворотню, но уже издали услышал голоса на повышенных тонах. «Темнота – друг молодёжи и грабителей!» – усмехнулся Николай и завернул за угол, куда свет от единственного работающего фонаря над детской площадкой почти не доставал. Видно было плохо, но достаточно для того, чтобы разглядеть узкую арку прохода между домами и троих пацанов, которые заполошно копошились в женской сумке, а рядом на земле лежала девушка. Она не шевелилась. Голова как-то неловко запрокинута назад.

– Во блин! – вслух выругался Николай.

До пацанов было метров десять. Троица перестала копошиться в сумке. Догадались, что они в подворотне не одни. Обернулись. Короткая пауза. Хриплый смех и смачный плевок.

– Во, гляди, пацаны! Лопата¹ к нам сама шкандыбает! Везуха! Живём! – обрадованно воскликнул долговязый парень, в чёрной майке с оскаленным черепом и не по сезону надетой на голову вязаной шапочке.

– Аха! – поддакнул коротышка в кожанке без рукавов на голое тело. – А то у этой мочалки, кроме паршивой кредитки, налика в сумке нема!

– Уху! – сказал и третий, с заплывшим глазом, и грозно рявкнул на Николая. – А ну, канай сюда и выворачивай свои карманы, лошара!

– Тихо, парни, – миролюбиво произнёс бывший опер. Он и не думал останавливаться. – Я только в магазин. За хлебушком вышел.

– Давай сюда свой лопатник! Помоги голодающим, а то что-то мы давненько с пацанами хлебушка беленького не хавали! – расхохотался долговязый и отдал сумку одноглазому.

Главарь гопников эффектно щёлкнул ножом-раскладушкой и стал с нахальной улыбкой им поигрывать. Но не забывал поглядывать за руками чужака.

– Спрячь свою хлеборезку, а то порежешься!

– А ты у нас, оказывается, борзый! – насмешливо произнёс главарь в вязаной шапочке, мгновенно сорвал её с головы и кинул в лицо Николая.

Бывший опер увернулся, но это был лишь отвлекающий манёвр и скорее интуитивно почувствовал, чем увидел, удар ножом в живот. Разворот корпуса – и острое лезвие буквально в полусантиметре проходит мимо. Теперь наступила очередь бывшего опера. Короткий, но мощный удар по кисти руки гопника и одновременно страшный удар локтем в переносицу. Не менее страшный крик раненого зверя, и вот один из гопников лежит на земле и харкает кровью. Но недолго мучился. Затих скрюченным эмбрионом. Оставшиеся в живых гопники разом уставились на главаря.

– Убил, гад, чепчика! Зарежу, сука! – истошно закричал коротышка и выхватил из-за пояса финку с наборной ручкой.

Одноглазый скривил лицо. Бросил наземь женскую сумку и полез в карман джинсовой куртки. Через мгновение на Николая глядел чёрный ствол пистолета. Лязгнул затвор.

– Серый, мочи сволоту! – истошно завизжал коротышка, нервно размахивая перед собой финкой.

Серый не стал медлить. Оглушительно грохнул в подворотне между домами выстрел, и почти сразу завывла сирена и замелькали синие всполохи. На этот раз бывшему оперу не удалось удачно уйти с линии огня. Бандит оказался опытным стрелком и немного выждал, прежде чем нажать на курок. Это позволило ему угадать направление движения своей жертвы. Николай схватился за грудь, глухо застонал и упал.

– Сматываемся! Легавые! – заорал одноглазый и первым рванул прочь от опасного места.

За ним, оглянувшись на лежащего на земле Николая, умчался Серый. Через минуту в подворотню с автоматами наперевес вбежали двое полицейских. Перед их глазами развернулась невесёлая картина: три неподвижных человека на земле. Быстро оценив ситуацию, они не стали задерживаться, а проскочили подворотню насквозь. Но вскоре вернулись назад. Сержант со скучающим видом оглядел троих лежащих на земле и, почёсывая подбородок, недовольным голосом произнёс:

– Похоже, что у нас три жмурика, стажёр.

Стажёр же не стал доверять своим глазам и умозаклчению сержанта, а, как учили в школе полиции, прощупал артерии каждого из лежащих на земле.

---

¹ Лопата, лопатник – здесь кошелёк (*жарг.*).

– Нет! Этот бугай, похоже, живой! А парень с разможжённым лицом и девушка уже мертвы.

– Не трогай их! Давай бери рацию и вызывай опергруппу из убойного отдела! Пусть они сами ищут сбежавших бандитов. Теперь это уже не наша епархия, а бугаю вызови скорую!

Скорая приехала намного быстрее оперативной группы и после острого пререкания с постовыми забрала с собой Николая. Запугали тех, что если пострадавший умрёт прямо на улице, то их руководство по головке не погладят. Врачи божились, что этот парень дня три ещё на ноги не встанет. Удар резиновой пули в область сердца был достаточно сильным. Но эскулапы оказались не правы. Уже через час они оправдывались перед приехавшим в больницу опером из убойного отдела за внезапную пропажу тяжело пострадавшего. Кто он был такой, они не знали, потому что, кроме испорченного выстрелом кошелька с деньгами, разорванной рубашки, старых джинсов и поношенных кроссовок с носками, ничего не имеют. А да, ещё какой-то ключ. Скорее всего, от квартиры.

– Паспорта или других каких-либо документов при пострадавшем не было, – закончил дежурный врач.

– Получается, что ваш пострадавший из больницы голышом сбежал? – морщась, как от зубной боли, ехидно спросил опер.

– Ну да. Получается, что так. Он же в реанимационной палате был, а у нас лежат в чём мать родила. Причём мы выделили ему по просьбе постового отдельную палату, а в коридоре у нас за дверью постоянно дежурная сестричка сидит. Она за больными присматривает и видела бы, если пострадавший попытался бы сбежать через дверь. Но она уверяет, что за время её дежурства из палаты никто не выходил.

– Ну и как тогда он от вас сбежал? – спросил дежурный, выглядывая в окно девятого этажа больницы.

– Не знаем, – пожал плечами дежурный врач.

– Как хоть звали пострадавшего, узнали?

– Не успели спросить. Его привезли к нам в тяжёлом состоянии. К реанимации мы приступили сразу, ещё в реанимобиле. Для нас главное было – это вновь запустить сердце пострадавшего. Кто-то в него стрелял из травматике, но только благодаря кошельку с монетами и мощным грудным мышцам ему удалось обойтись без физического повреждения сердца. Разрыва сосудов мы тоже не обнаружили. Просто фатальное везение, но возникли кратковременные сбои в ритме сердца. Мы только «подтолкнули» его, и оно вновь заработало. Можно сказать, что работает сейчас прямо как часы. Просто повезло парню. Опоздай мы ещё на немного, и был бы летальный исход.

– Парню повезло, а на мне нераскрытое двойное убийство останется. У вас хоть видеокамеры в больнице работают?

– Кажется, да, но об этом лучше спросить у нашего начальника охраны, – растерянно произнёс дежурный врач.

Но записи видеонаблюдения оперативнику ничего не дали. Если судить по видеозаписям, то пострадавший из палаты реанимации действительно никуда не выходил. В окно вылезти тоже не мог. Девятый этаж, однако. На стене ни пожарных лестниц, ни труб. Зацепиться не за что. Постель брошена, простыни и пододеяльники не тронуты.

Так дело о двойном убийстве в подворотне повисло как нераскрытое и через некоторое время его сдали в архив. Но ещё через год дело снова пришлось доставать из архива и по новой открывать уголовное дело. Гоп-стоп – болезнь заразная и лечится только радикальными методами. Наши знакомые всё-таки попались на очередном грабеже.

Николаю повезло, что врачи очень торопились и не сняли с его шеи талисман. А потом врачам уже было не до талисмана. Николай – далеко не единственный пациент в больнице. Пока там искали пропавшего больного, троица друзей за обе щеки уплетала горячие «Сибир-

ские пельмени» – с полным набором вредных добавок. Обмакивали их в сливочное масло, запивали холодным московским пивом и хором нахваливали. И бог с ним – с хлебушком. Так хорошо. Всё-таки осталось ещё в друзьях что-то такое-эдакое, что было невозможно перешибить и вытравить никакими перемещениями по времени. Никакой, даже самой экологически чистой пищей. Ностальгия по привычной еде неистребима. Правда, варил «Сибирские пельмени» не хозяин квартиры, а его тесть.

Николая сразу по возвращении с огромным синяком в области сердца вновь одели в нательную рубашу монаха и заставили лежать, но вскоре больному это прискучило. Хотя и ушибленная грудь побаливала, но молодое сердце уверенно билось и просило движения, жизни. Не привык Николай возлегать и изображать из себя больного. Скрепя сердце тесть разрешил зятю встать с постели.

– А ты, Николай, понял, как вновь оказался в своей квартире? – дожёвывая пельмень, не очень внятно спросил Андрей Яковлевич. – Тебе удалось переместиться из больницы прямо домой. Мы с Лёшкой вначале грешным делом подумали, что ты таким макаром из магазина вернулся, но смотрим – мать честная, лезешь из больничной палаты с огромным синяком на груди, да ещё и в чём мать родила! Мы вообще с Лёхой вначале подумали чёрт знает что!

– Когда я удираю из больницы, то постарался представить себе свою квартиру, и мне снова удалось попасть туда, куда я хочу. Но необходимо провести ещё эксперименты, и чтобы точка выхода была не моя квартира! – спешно окуная в масло очередной горячий пельмень и побыстрее засовывая его в рот, так же невнятно произнёс Николай.

От пива отказался. Его друзья, узнав, как он сходил за хлебушком, предлагали ему ещё полежать, но получили уверения, что он чувствует себя прекрасно – как только что родился. Конечно, Алексей Никифорович и Андрей Яковлевич сомневались в правдивости этих слов, но спорить с Николаем не стали. А тот как ни в чём не бывало продолжал объяснять:

– Пришёл в себя уже в больнице. Было очень больно и в то же самое время очень хотелось попасть домой. Когда стало получше и остался в палате один, сосредоточился на своей квартире, и у меня снова получилось перейти к себе домой. Только я заметил, что когда перемещаешься в какое-то конкретное место, то процесс перехода происходит несколько медленнее, чем при случайном перемещении.

– Что-то как-то странно всё это выглядит. Раньше эта штука куда хотела – туда нас и перемещала, а теперь прямо по заказу! Мне помнится, что ты из Англии от своего алхимика в нагрузку к золотому грецкому ореху привёз ещё и золотую изюминку. Этот маг-самоучка вместе с наследством завещал тебе, что ты при желании сможешь после получения изюминки с ним увидеться и пообщаться. Меня вот интересует: почему твой маг-алхимик был уверен, что при желании ты сможешь с ним вновь встретиться? – спросил Алексей Никифорович, отложил вилку на пустую тарелку и задумчиво посмотрел на Николая. – Может, как раз в этой изюминке и заложен механизм точного межвременного перемещения?

– Я как-то за делами Петра Алексеевича вообще забыл про изюминку. Пока по Европе колесили, то одно, то другое дело подворачивалось. Только успевай крутиться! – произнёс Николай и настороженно пощупал кожаный мешочек. Он действительно забыл, что после получения изюминки спрятал её в тот же самый мешочек, в котором хранился грецкий орех. – И теперь оба золотых слитка – большой и малый – вместе. Не в этом ли состоял фокус алхимика? А если так, то получается, что я смогу действительно его увидеть! Братцы, так у нас теперь появилась самая настоящая машина времени! Загадывай, куда хочешь перемещаться, и вуаля – готово!

– Так они оба у тебя сейчас в мешочке? – отложив вилку на тарелку, с интересом спросил Андрей Яковлевич.

Николай утвердительно кивнул и застыл от шальной мысли, которая с таким запозданием посетила его голову.

– Так это что же получается? Исходя из твоей теории, мы теперь вольны перемещаться куда нам будет угодно? – недоверчиво спросил тесть.

– Я всё-таки думаю, что перемещаться возможно не совсем куда угодно, – сжимая маленькие золотые слитки, размышлял вслух Николай. – На мой взгляд, тот, кто оперирует с «золотыми братьями», должен себе достаточно хорошо представлять то место, куда он хочет переместиться, а это значит, что он ранее обязательно должен был это место лично посетить. Думаю, изюминка каким-то образом считывает координаты и время из головного мозга оператора. А для этого ей нужно иметь достаточно первоначальной информации. Иначе инициализация точного временного и пространственного перехода отменяется и пространственно-временное перемещение осуществляется случайным образом, при помощи механизма перемещения, то есть золотого грецкого ореха. Получается, что золотая изюминка – это своеобразный пространственно-временной вычислительный процессор при машине перемещения. Вот такая у нас получается сладкая парочка «золотых братьев». Хотя, как говаривали классики философии: всякое предположение должно проверяться практикой, и только она является истинным критерием верности ранее сделанных предположений. А для того чтобы нам добраться до истины, вовсе не обязательно дожидаться, пока мы вернёмся обратно в Польшу. Можно это сделать здесь и прямо сейчас!

Теперь уже Николай загорелся желанием немедленно проверить свои предположения. Он снял с шеи мешочек с «золотыми братьями». Порывисто вскочил со стула и подошёл к стене, на которой висел телевизор. Там какой-то очень умный дядечка из Академии наук рассказывал собравшемуся народу в студии, а заодно и телезрителям о невозможности создания машины времени и её антинаучности как таковой. Николай лишь усмехнулся такому смелому заявлению учёного мужа. Бывший опер вспомнил студию, из которой сейчас вели передачу. Однажды ему уже приходилось бывать на подобном ток-шоу в качестве зрителя. Тогда Ленке из отдела криминалистики очень хотелось попасть в телевизор, и Николаю через друзей-знакомых удалось исполнить её мечту.

«М-да, когда это уже было и чем сейчас занимается Ленка?», – немного окунулся в новые воспоминания Николай, но быстренько выкинул их из головы. Абсолютно не задумываясь о последствиях и о том, как они будут выглядеть перед собравшимися в телестудии зрителями в нательных рубашках и высоких сапогах-ботфортах, Николай торопливо провёл талисманом по стене за телевизором. Спустя мгновение она пропала, но телевизор почему-то остался висеть в воздухе и как ни в чём не бывало вещать, хотя все его провода просто болтались в воздухе. Полная студия народа активно принимала участие в обсуждении возможности пространственно-временного перемещения. Ведущая как раз задавала учёному уточняющий вопрос. Тот начал с видом специалиста рассуждать о высоких материях, но аудитория в студии его уже совершенно не слушала. Люди дружно пялились на внезапно появившихся перед ними Николая и сидящих за столом мужиков в белых балахонах и старомодных сапогах. В это время висевший в воздухе телевизор каким-то чудом показывал крупным планом самодовольно улыбающееся лицо Николая, а в уголке светилась надпись: «Прямой эфир». Ведущая заметила, что зал её совершенно не слушает, а смотрит в другую сторону. Она повернулась и увидела вместо привычной стены студии «святую троицу». Николай с довольным видом улыбался и разглядывал притихший зал. Некоторое время ведущая и наш герой дружно тарасились друг на друга, а затем женщина неожиданно выронила микрофон и рухнула в обморок. Кто-то в зале истошно закричал: «Врача! Немедленно вызовите врача! В зале инопланетяне!» – и тут переход пропал. Истекло время его активации. Стена квартиры вернулась на своё место, а телевизор продолжал как ни в чём не бывало показывать переполох в студии. Там уже были медики. Они куда-то несли на носилках ведущую, а умный дядечка крутил головой и никак не мог сообразить: из-за чего весь этот переполох. Спустя минуту прямая трансляция внезапно прервалась, и на экране телевизора появился взволнованный диктор. Он запинаясь извинялся

и рассказывал про какие-то технические проблемы, которые неожиданно возникли при трансляции телешоу. Потом картинка сменилась, и в эфир запустили документальный фильм про животный мир в дикой саванне. Бешено затрубили слоны, грозно зарычали львы... Николай поспешно уменьшил громкость.

– Это что такое было? – удивлённо спросил Алексей Никифорович, но тут во входную дверь нетерпеливо застучали кулаками.

– У тебя, Николай, разве дверной звонок не работает? – нахмурился Андрей Яковлевич. – Гостям приходится по старинке руками колотить, а на дворе уже двадцать первый век.

– Вроде как до сих пор звонок работал, – пожал плечами хозяин квартиры и пошёл посмотреть: кому это там ночью не спится.

Открыв входную дверь, он обнаружил перед собой свою соседку снизу. Женщина была явно сильно не в духе и тут же закричала на него:

– И сколько раз прикажете делать вам замечания, Николай! Уже второй час ночи! Имейте же совесть, в конце-то концов! Мы с мужем уже легли спать! Ночью в доме должна была тишина, а не бордель! Вначале в окно орут, Москве удивляются, а теперь ещё и телевизор надумали включить на всю катушку! Что это такое делается?! Совесть у вас есть, Николай? Я не посмотрю, что вы работник органов! Привезли к себе родственников из деревни – умеете их ночью урезонить и объяснить, что Москва – это не деревня! Я буду жаловаться непосредственно вашему начальству!

– Раиса Дмитриевна, я и мои товарищи приносим вам свои извинения! Это совершенно случайно получилось! Просто недоразумение и не более того! Забыл у телевизора громкость уменьшить.

Слушая извинения молодого человека, рассерженная соседка только теперь обратила внимание на странный наряд и еле уловимый запах пива. А Николай понял, что стоит перед женщиной в достаточно странной для неё одежде. Длинная нательная рубашка для неё больше ассоциировалась с женским нарядом, но никак не с мужским.

– Вот вы вроде как взрослый человек, в солидных органах работаете, а ведёте себя совершенно неподобающе! Да ещё и в женских нарядах прилюдно разгуливаете! Как вам только не стыдно, Николай?! Подумайте, какой пример наши органы в вашем лице детям подадут?! Прямо не органы, а оргии какие-то! А ещё работник уголовного розыска! Тьфу! Срамота одна, а не родные органы! Вот в советские времена действительно были органы так органы – любо дорого посмотреть на такие органы! И внешний вид, и мощь – всё было при тех органах! Не то что при теперешних!

Оскорблённая в чувствах женщина резко развернулась и не оглядываясь засеменила вниз по лестнице, а Николай лишь проводил её сочувственным взглядом. Вскоре снизу послышался звук открывающейся двери и вновь недовольный голос соседки:

– Завтра же прямо с самого утра пойду жаловаться в управление уголовного розыска! Пусть разберутся – кто у них в этих самых органах работает. Пьяницам и извращенцам нет места в наших органах! Органы – это святое! Нет на вас парткома и обкома! Распустили свои органы – вот они и болтаются прилюдно в чём попало!

– Ради бога, извините нас, Раиса Дмитриевна! Мы честно больше не будем шуметь! – крикнул Николай.

Соседка только обиженно фыркнула и громко захлопнула дверь. На лестничной клетке вновь наступила тишина. Хозяин квартиры грустно вздохнул, закрыл входную дверь и вернулся в комнату. Алексей Никифорович и Андрей Яковлевич всё так же сидели за столом с понурыми лицами, словно нашкодившие школяры. Хозяин квартиры посмотрел на них, усмехнулся и приказал:

– Всё, мужики, хватит на сегодня шума и экспериментов! Ложимся спать! Вам обоим, как закадычным друзьям, предлагаю диван, а мне, как самому молодому, и на полу будет хорошо! В шкафу найдёте постельное бельё, а я пока в душ!

Вернувшись из ванны, Николай постелил себе на полу. Долго вертелся. Никак не мог заснуть. Размышлял про случайно открывшиеся свойства «золотых братьев» и какие из этого вытекают перспективы. Затем про квартиру. Успели бандиты её продать или нет. Ведь сколько лет ведь уже прошло. «Можно было проверить замок и почтовый ящик, но теперь уже поздно. Мужики, наверное, уже уснули!» – продолжал рассуждать бывший опер, но тут на диване закрутился Андрей Яковлевич, а Алексей Никифорович сразу же перестал похрапывать.

– Слушай, Николай, ты это, не спишь, что ли? – спросил бывший дипломат Ивана Васильевича.

– Что-то не могу уснуть, – тихо прошептал Николай.

– Во, значит, я пока ещё могу тебя поздравить с успешно проведённым научным экспериментом! Только вот удивляюсь: ты что это, и на телевидении когда-то уже успел побывать?

– Было дело, по молодости. По дури с одной девчонкой, коллегой по работе, вместе пошли посмотреть, как они там свои ток-шоу на телевидении снимают...

Николаю не удалось закончить историю про телевидение и свою бывшую работу, как привстал тесть. Недовольно оглядел собеседников и цыкнул:

– Спите уже, полуночники! А то сами не спят и другим не дают! Завтра все свои истории по дороге сто раз сможете друг другу рассказать. Путь у нас длинный, до самого Парижа. Так что успеете даже ещё оскомину на своих языках набить... – вновь пристроившись на подушке поудобнее, полусонным голосом пробурчал Алексей Никифорович, после чего вздохнул, повернулся на другой бок и затих.

– Ладно, спокойной ночи! – прошептал Николай и тихо повернулся на любимый правый бок.

Попытался устроиться поудобнее на жёстком ложе. Через минуту в комнате раздалось равномерное сопение тестя. Осторожно, дабы не потревожить сон друга, повернулся на бок Андрей Яковлевич, и вскоре уставшие обитатели квартиры уснули крепким сном.

Наутро отлично выспавшаяся троица с довольными физиономиями спускалась по лестнице из отведённой им в корчме комнаты. Хозяин общепита и его слуга буквально с открытыми ртами стояли внизу, в обеденном зале. Они были не в силах отвести глаз от своих ночных гостей в белых одеяниях. Для них «святая троица» выглядела как самые настоящие привидения. Ведь злоумышленники точно знали, что ночью отданная в распоряжение монахов утлая каморка была абсолютно пуста. Они сами туда заходили, дабы сделать своё чёрное дело. Теперь они могли поклясться перед кем угодно и чем угодно, что там не было никого. Лишь только одни мокрые следы на полу от их котомок. Хозяин со слугой обыскали весь дом, но так никого и не нашли. Лошади были на месте, а людей нет. Проверили и следы, и ворота, но запоры на них остались нетронутыми.

Когда троица спустилась вниз, хозяин и слуга так и продолжали стоять в абсолютном ступоре. Николаю пришлось трижды повторить свою просьбу: вернуть им отданную на просушку одежду. До слуги наконец-то дошло, что от него требуется, и он, чуть ли не спотыкаясь, бегом метнулся на кухню и быстро принёс требуемое. Гости, совершенно не стесняясь, тут же в обеденном зале облачились в чёрные рясы, накинули на головы глубокие капюшоны и крепко подпоясались.

– Лошади накормлены-напоены? – задал вопрос Николай, но хозяин корчмы вместо ответа лишь трижды быстро утвердительно кивнул. Дородный мужичок дрожал от страха словно осиновый лист на ветру, а Николай как ни в чём не бывало продолжил: – Вот и хорошо! Ну тогда бывайте, дети мои! И живите по заповедям, которые нам оставил Сын Господа – Иисус Христос! Среди которых шестая заповедь гласит: не убий, а следующая за ней...

Николай прервал наущения, ибо поверх головы корчмаря заметил дохлую мышь на столе, за которым они вчера вечером ужинали куском хлеба из своих дорожных запасов. Она лежала как раз рядом с неубраным куском вяленого мяса, которым их пытался накормить хозяин корчмы. «Бедная мышка поужинала мяском нашего «добрного» корчмаря», – подумал бывший опер и пристально посмотрел в его нервно бегающие мелкие вороватые глазки. Корчмарь по привычке протянул руку для оплаты за постой и еду, но увидел глаза Николая и тут же резко отдернул её назад.

– Бог подаст, если ты того сумеешь заслужить! – холодно ответил бывший опер, глядя на дрожащие руки просящего, – Лошадей к крыльцу дома приведи и немедленно, да поусерднее моли Господа, чтобы я и мои братья не осерчали на вас обоих за ваши поганые помыслы супротив слуг Господа! Ведь ты очень хочешь сытно есть и сладко жить? Не так ли, сын мой?!

Последнюю фразу Николая произнёс таким рокочущим басом, от которого казалось, что задрожали стены. Бывший опер, не отводя взгляда от глаз корчмаря, приподнял правую руку, и тот от страха присел да крепко-накрепко зажмурился. Обрюзгший мужичок закрыл голову руками и ждал удара, но шло время, а его всё не было. Наконец он медленно приподнял голову и опасливо посмотрел на Николая. Тот, откровенно усмехаясь, поправлял капюшон. Корчмарь опустил глаза на ширинку своих штанов. Та оказалась мокрой, а под ним была вонючая лужа. Сконфуженно оглядевшись по сторонам, корчмарь пулей метнулся выполнять приказ. Слуга тут же рванул вслед за хозяином. В дверях они столкнулись, и не могли сразу решить, кому первому выскакивать из корчмы. Наконец корчмарь очухался от страха и заорал на слугу:

– Ты куда, собака иродова, лезешь вперёд хозяина?!

Слуга испуганно склонил голову и отступил от двери. Хозяин выскочил на крыльцо и снова заорал на слугу:

– Бегом води лошадей господ прямо сюды!

Кони, как и прогнозировал Андрей Яковлевич, действительно выглядели хорошо отдохнувшими, ухоженными и сыто накормленными. Николай с друзьями быстро забрались в седло. Хозяин вместе со слугой низко кланялись на крыльце уезжающим гостям. Те уже подъехали к воротам, как бывший дипломат вдруг резко остановил лошадь и соскочил с неё. Бывший опер думал уехать без лишнего шума. Он прекрасно понимал, что слухи о русских беглецах из царской свиты быстро полетят за ними вслед, и потому не хотелось без особой на то надобности шуметь или оставлять за своей спиной обиженных осведомителей. Но останавливать Андрея Яковлевича было уже поздно. Не смог остановить его и фронтовой друг. Алексей Никифорович лишь удивлённо крикнул:

– Андрюха, ты куда?!

– Я сейчас, Лёшка! Только должок отдам этому прохиндею и сразу вернусь! А то мы ему чуть не забыли заплатить за постой! – недобро усмехнувшись, ответил Андрей Яковлевич и молнией взлетел на крыльцо.

Сколько уже раз хозяину корчмы удавалось без последствий проворачивать свои тёмные делишки. Но теперь всё шло совершенно не так, как обычно. Он поднял голову и с нехорошим предчувствием посмотрел на вернувшегося гостя и тут же получил крепкий удар кулаком, да прямо в глаз. Кулак оказался добрый, от всей души и по-русски. Ноги не удержали дородное, желеобразное тело и подкосились. Корчмарь с диким воплем повалился на дощатый пол и с грохотом покатился вниз по крутой лестнице. Пересчитав все ступени, он резво долетел до земли и остался лежать в луже, ещё не успевшей высохнуть после вчерашнего обильного ливня.

Широкоплечий немой слуга истоплённо замычал «Ы-ы-ы!» и легко оторвал доску от перил. Нехорошо прищурил глаз и, опасно размахивая ею, пошёл на Андрея Яковлевича. Слуга попытался вступить за хозяина. Он был выше и мощнее нашего бывшего главы Посольского приказа. Эдакий крепко сбитый мужик, привычный к физическому труду. Но бойцовой сноровки ему явно ему не хватало. Андрей Яковлевич ушёл в сторону от летящей ему в голову

тяжёлой доски. Он использовал инерцию противника, перехватил его руку и вывернул её чуть ли не на триста шестьдесят градусов. Раздались хруст сустава и злобное, нечленораздельное мычание. Затем удар – и слуга отлетел на перила. Ограда крыльца не выдержала веса его тела и рухнула. Слуга перелетел через ступени и сунулся лицом прямо в грязную лужу под бочок к хозяину.

– Вот как-то так! Не картина маслом, но всё же! – оценил содеянное бывший хозяин Посольского приказа. – Оплата гостеприимства великодушно произведена! Пора и честь знать! Не так ли, други мои?

Вскоре троица людей Петра Алексеевича была уже в пути и далеко от злосчастной корчмы с маньяком-убийцей и его помощником. После вчерашней бури на голубом небе светило ласковое солнце. Лужи на дороге помаленьку подсыхали, а тепло приятно грело широкие спины «монахов». Крепкие руки уверенно держали поводья. Всё это, конечно, не могло не радовать наших путешественников. Ведь по хорошей дороге любой путь кажется намного короче.

К следующей ночи троица добралась до Перемышля, столицы бывшей Червонной Руси. Этот небольшой городок упоминался в летописном «Списке городов русских ближних и дальних». Его возврата требовал ещё Иван Васильевич и называл его насильно отторгнутым.

Друзья свернули на небольшой мосток, который вёл через речушку к городским воротам. Вход в город скоро уже должен был закрыться, и друзья поторапливались. Боялись опоздать. Не хотелось ночевать под стенами города. Но напрасно, в город въехали без проблем. Прямо на центральной площади стоял старый православный собор, который Ягайло отдал католикам. С чего и началась принудительная смена веры жителей города. На этой же площади нашлась таверна, в которой и решили заночевать. Передали лошадей шустрому службе, а сами пошли искать себе пропитание и кров на ночь. Постояльцев в таверне, в отличие от корчмы маньяка, было вполне достаточно. Хозяин крутился волчком вместе со слугами, стараясь угодить всем гостям. В обеденном зале шум-гам. Собеседники старались перекричать друг друга. По большей части здесь находились военные и немного торгового люда. В дальнем углу таверны Николай заметил четвёрку дюжих молодцов, с которыми они ранее повстречались на въезде в город. Они некоторое время ехали позади нашей троицы, а перед въездом в город их догнали и без очереди нагло пролезли вперёд и вот уже сидят в таверне. Знакомцы тоже заметили Николая, но особой заинтересованности к нему самому или его друзьям не проявили. Продолжали как ни в чём не бывало пить, есть и о чём-то негромко говорить. Но говорил в основном самый крупный из четвёрки – бородатый главарь, а остальные слушали и согласно кивали ему.

Николай поделился своими соображениями с друзьями. Сделали вывод. Поели, попили и пошли в отведённую для них каморку. Но спать в ней не остались. Лишь закрыли на хлипкий засов дверь, а сами переместились на свою потайную базу – московскую квартиру Николая. Когда утром вернулись обратно, то увидели, что в их каморке ночью побывали гости. Лежаки перевернуты, а набитые соломой матрасы вспороты. Даже кое-где были подняты половицы.

– М-да! Ребята оказались основательными. Но на что надеялись? Убить нас и забрать драгоценности, но тогда они работают по наводке, – прокомментировал увиденное Николай.

– А я даже знаю, по чьей именно наводке, – усмехнулся Андрей Яковлевич.

– А хозяин таверны в сговоре с этой четвёркой, – заметил Алексей Никифорович.

Посоветовавшись, Николай с друзьями спустились в обеденный зал. Четвёрка знакомых сидела на том же самом месте, что и вечером. Они вновь что-то обсуждали, но на этот раз то и дело была слышна брань. Главарь заметил Николая с друзьями и резко замолк. Приумолкли и его подельники. Они уткнулись в свои тарелки и молча ели уже успевшую остыть кашу с мясом.

Друзья уже успели позавтракать в Москве, а поэтому Николай сразу подошёл к стойке, из-за которой хозяин таверны бдительно приглядывал за немногочисленными утренними едоками. Основной улов у него начинался вечером, а сейчас можно было отдохнуть. Пара шуст-

рых половых сами справятся. Алексей Никифорович и Андрей Яковлевич остановились подле дверей и поставили тяжёлые мешки на пол. Главарь не оставил их без своего внимания, а это было как раз то, что и требовалось.

– Сын мой, тут такая оказия вышла, – невинным голосом произнёс Николай. – Мы с братьями решили прогуляться, подышать воздухом, посмотреть немного город и подумать о высоком, а вернулись – всё в нашей комнате перевёрнуто и попорчено. Как вы можете объяснить сей факт?

– У вас что-то ценное украли, святой отец? – любопытствовал трактирщик.

– К счастью, нет! Моим братьям удалось скрыть всё ценное от неугодных глаз, а, с другой стороны, что можно у бедных слуг церкви украсть, кроме их веры в Господа нашего? – Николай возвёл к потолку очи и не торопясь перекрестился.

– Ах, какой же негодяй мог такое задумать и запятнать моё честное имя! – с грустным видом вздохнул трактирщик и бросил быстрый взгляд на туго набитые котомки гостей. – Пойдёмте, святой отец, посмотрим вместе, что там у вас случилось.

Николай обернулся к друзьям и краем глаза заметил, что сидящая в углу четвёрка внимательно прислушивается к их разговору. Он махнул друзьям рукой, чтобы те пока оставались в зале, а сам пошёл за трактирщиком. Тот зашёл в перевёрнутую вверх дном комнату. Театрально воздел руки к потолку, поцокал языком и сильно «удивился», что не слышал никаких подозрительных звуков. Внешне спокойно отреагировал на замечания Николая и даже не взял денег, хотя он ему их предлагал. Сослался на то, что раз святые отцы отлучались из комнаты, то это уж его недогляд.

– Вам зачтётся ваша скромность, сын мой. Бог ценит людей не алчных, а благотельных! – нравоучительным тоном произнёс Николай и перекрестил склонившего голову трактирщика.

Вскоре друзья покинули трактир и на сытых, отдохнувших лошадях двинулись в путь. До Парижа оставалось ещё две тысячи миль. Выехав из города, они направились на юг, в сторону Кошице. А через двести миль граница. Территория Речи Посполитой заканчивается и начинается Австро-Венгерская Империя Габсбургов.

Вскоре Перемышль оказался далеко позади. Пошли леса. В полумиле от Николая и его друзей ненавязчиво ехала уже знакомая им четвёрка. Они даже не пытались таиться. Ехали себе на хорошо откормленных лошадях, громко смеялись да поглядывали на мирно скачущую впереди них тройцу. Никакой видимой агрессии они пока не проявляли. Даже как будто особо и не смотрели в их сторону. Но, чем дальше в лес, тем, как известно, толще партизаны. Николай нащупал под рясой в наплечной кобуре пистолет и снял с предохранителя. То же самое сделали и его товарищи. Бдительность и ещё бдительность.

– Ох и не нравится мне всё это! – негромко произнёс Николай, внимательно поглядывая по сторонам и прислушиваясь к лесным звукам. – И дорога какая-то пустоватая. Хоть бы какой всадник или телега показалась. Никого!

– Наверное, нам нужно было совсем по-другому расплатиться с хозяином кабака за его подянку, – зло ответил Андрей Яковлевич. – Добрые мы русские и, что характерно, – зачастую к явным гадам! Всё надеемся, что те перевоспитаются и станут хорошими! Нас убить хотят, а мы со своими убийцами церемонимся, сюсюкаемся, уговариваем!

– Хотели уйти по-тихому, а не получилось, – грустно констатировал факт Алексей Никифорович.

– Тогда нам нечего ждать! За мной! – оглянувших на мирно ехавшую позади них четвёрку, шепнул бывший опер и круто свернул с проторённой дороги на лесную тропу, ведущую вниз к реке.

Немного проехав, Николай спрыгнул с лошади. Хлопнул ладонью по лоснящемуся боку четвероногого друга, и тот его прекрасно понял. Быстро ускакал прочь. Скрылся с глаз долой.

Затрещали кусты, и вскоре всё стихло. Товарищи тоже не стали медлить. Прodelали тот же трюк. После чего немедленно спрятались за стволы деревьев и стали ждать реакции подозрительной четвёрки, и те не замедлили себя проявить во всей красе. Послышался топот галопирующих лошадей разбойников. Главарь нервно покрикивал и пришпоривал коня. Вскоре он в сопровождении своих поделльников доехал до малозаметной развилки и волчком завертелся на одном месте. С ходу заезжать в заросли побоялся. Вложил пальцы в рот и пронзительно, как соловей-разбойник, оглушительно засвистел. И вскоре послышался ответный свист, а затем дробный стук копыт торопящихся всадников с противоположного конца дороги. Оказалось, что к нему на помощь едут не меньше десятка вооружённых людей. Они были вооружены и самострелами, и мушкетами, а кто и саблями. Одежда на них не оставляла вопросов об их холопском происхождении. Они по указанию своего главаря поджидали Николая и его друзей совсем недалеко, за поворотом. Ещё немного, и коробочка для друзей бы захлопнулась. Тогда неизвестно, как бы у них сложились дела. Оперативная чуйка Николая не подвела, и он сорвал планы разбойников.

– Cholera jasna!² – возмущённо закричал главарь. – Poszedł, poszedł do lasu!³

Его чёрные усы топорщились от досады. Вроде всё так хорошо продумал, и вот на тебе! Его добыча исчезла прямо у него на глазах. Главарь размахивал пистолетами, которые держал в обеих руках. Кричал на поделльников. Приказывал им на конях проехать вниз по узкой тропе к реке и проверить, куда скрылись святоши. Но по всему было видно, что живые святы отцы этому живодёру были не нужны. Ему нужны были только их тяжёлые мешки. Первая тройка на лошадях стали осторожно пробираться вниз по тропе, а с главарём на дороге осталось немногим больше десятка головорезов.

Очень скоро терпение его покинуло.

– Poszedł, poszedł do lasu! – вновь заорал разъярённый главарь на своих поделльников.

И ещё трое всадников стали осторожно продираться через заросшую тропу. Они не торопились, внимательно прислушивались и опасливо оглядывались по сторонам. Николай сопровождал их недобрым взглядом и указал своим товарищам на главаря, а сам заскользил невидимой тенью за шестёркой разбойников, которые ушли к реке. Теперь на дороге осталось десять головорезов, включая их главаря. На открытой местности те представляли из себя идеальные мишени. Прямо как в тире. А вот в тылу врага оставлять никак нельзя. Тем более что где-то там у реки паслись кони с золотом, которым им предстояло подкупать французскую верхушку.

Да и дорога ещё дальняя, и им самим в Париже жить на что-то будет нужно.

«Макаров» у Николая наготове. Дал разбойникам уйти подальше от дороги, а затем зашёл со спины второй тройки. Прекрасный сектор обстрела, с возвышением. Первая трое разбойников уже тихо переговаривались у реки и не знали, что им делать дальше. Тропинка узкая. Заросли вокруг густые. Отводов от неё нет. На конях с узкой тропинки им деваться никуда. Всё! Ловушка захлопнулась. А что стрельба со спины, то с разбойниками не до церемоний. Они и сами любому воткнут в спину нож и интеллигентно не соизволят поморщиться. Раздались первые три лающих выстрела из «Макарова», и первые три бандита упали замертво. Сколько лет Николай провёл на стрельбищах – сейчас и сосчитать трудно. На соревнованиях после скачки или забега с бьющимся в бешеном ритме сердцем точно поражать мишени – это целая наука. В эти минуты, которые кажется, что растягиваются на целую вечность, каждое очко реально на вес золота. А сейчас борьба идёт не только за золото, но и за собственные жизни.

Первая троица у реки услышала выстрелы, засуетилась и повернула к дороге. Густые заросли сбили их с толку. Они не успели сориентироваться, откуда звучали выстрелы. Раз-

² Cholera jasna! – Чёрт побери! (польск.)

³ Poszedł do lasu! – Давай в лес! (польск.)

бойники подумали, что стреляют свои, которые остались на дороге. Оттуда тоже раздавались выстрелы и крики раненых. Поисковая тройца поскакала наверх, но наткнулась на стоящего на дороге монаха. Они даже не поняли, откуда тот взялся, и ничего не успели сделать. Три выстрела – и ещё три трупа.

– Так! Порядок! Теперь быстро обратно к ребятам! Как у них там дела?! – сам себе командовал Николай и метнулся к дороге.

Первым делом поискал своих друзей. Те уже сменили позиции, причём сделали это уже не раз. Теперь они кого-то держали на мушке и ждали удобного момента. А на дороге кровь, трупы людей и животных. Николай насчитал семь трупов, но главаря среди них не увидел. Стал приглядываться. Из-за убитой лошади внезапно высунулась рука с пистолей. Николай рефлекторно ушёл за дерево. Грохнул оглушительный выстрел, и пуля с громким чмоком врезалась в молодой дуб, что рос в пяти шагах от бывшего опера. Он тут же, не мешкая, ответил, и за лошадью истошно завизжали.

– Попал! – вслух радостно ухмыльнулся Николай. – Попробуй теперь одной рукой зарядить свою пистолё!

Бывший опер незамедлительно сменил позицию. И не зря. Нашёлся ещё один разбойник-снайпер. В ствол дерева, возле которого он только что стоял, воткнулся тяжёлый болт. «Такой и доспех может пробить! – подумал Николай, затаился и стал внимательно осматривать лес за дорогой. – Где же ты, гадёныш, спрятался?» Но лес за дорогой не торопился выдавать свои тайны. Ни один куст, ни одна ветка не шелохнулись.

За лошадью послышалась возня и бывший опер увидел дивную картину: от лошади медленно отползал человек, но голова у него беспомощно болталась из стороны в сторону. Это главарь пытался под прикрытием трупа подельника отойти к лесу. Николай вновь осмотрел все возможные места на противоположной стороне дороги, где мог бы укрыться арбалетчик. Но тишина, ни один куст не шелохнётся. Прямо как на кладбище. Ни крика птиц, ни зверя. Куда там! Всё живое в округе попряталось и притихло. Только главарь приглушённо сопел на дороге. Тянул за собой труп. Иногда его задница неуклюже оттопыривалась и открывался крестец. Чем не цель? Не в задницу же ему стрелять! Николай прицелился, задержал дыхание и плавно нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел. На дороге за трупом задница главаря тут же пропала. Бывший опер не замедлил сменить позицию и выжидал. Он не ошибся. Его выстрел ждали. Ещё один тяжёлый болт вошёл в дерево, за которым он только что был. «А вот он, зараза!» – отметил про себя Николай, заметив, как на одном из кустов еле заметно вздрогнула ветка. Но магазин уже был пуст. Достал запасной. Быстро заменил на полный, передёрнул затвор, прицелился. «Только бы не уполз гадёныш в другое место!» – заклинал удачу Николай. Но он не успел нажать на курок, как с небольшими интервалами раздались два выстрела. Это друзья постарались. Получилось, что Николай пустил свою пулю вдогонку. Но не зря. Куст основательно тряхнуло, и из него неожиданно высунулась рука с зажатым в кулаке болтом и застыла.

– Что, всё, что ли? – тихо спросил Николай.

– Кажись, да. Всех уложили, – так же тихо ответили ему.

Бывший опер быстро обернулся. За соседним стволом стоял Алексей Никифорович и внимательно наблюдал за дорогой.

– Ты как это так тихо подкрадываешься?

– Так мы же люди учёные. При Советах этому делу в училищах разных учились, – улыбнулся тесть.

– А Андрей Яковлевич где?

– Да тута я. Не кричи так громко. Мало ли, ещё кто-то из разбойников жив остался, – раздался знакомый голос из-за соседнего дерева.

Но опасения оказались напрасными. Николай с друзьями на всякий случай ещё раз перепроверили, но живых бандитов не осталось. Боевые кони друзей отозвались на их свист. Умные животные знают голос хозяина и по его зову придут только к нему. Где они умудрялись прятаться, пока шёл бой, бывший опер у них не спрашивал. Все живы-здоровы, с поклажей, и ладно. Поймали себе запасного коника, навьючили того мешками, забрали у главаря банды «общак» и вскоре снова отправились в путь. Больше их в том лесу никто не осмелился тревожить.

Глава 2

Монастырь бенедиктинцев

Почти целых два месяца понадобилось нашим героям, чтобы, минуя территорию королевства Польши, владения Австрийских Габсбургов и земли Швейцарского союза, выйти на границу Франции. Перед их взором возникли великолепные виды гор. Будь они простыми туристами, то непременно бы оценили их красоту и величие природы. Но друзья больше были увлечены собственной безопасностью и тем, чтобы держать верный курс. Петляя по узкой дороге, ведущей через покатые склоны Юрских гор, они поднимались то вверх, то спускались вниз, где уже приходилось проходить по узким и тёмным ущельям, внимательно поглядывая по сторонам. Узкое ущелье – это удобное место для охоты на одиноких путников. Но беда миновала наших путников, и наконец друзья достигли того ущелья, которое им было необходимо. По правую руку над их головами на крутом склоне возвышался замок Жю. Там, за его прочными высокими стенами, находилась пара сотен французских солдат. Их обязанность – тщательно приглядывать за горной дорогой, которую в народе именовали переходом монахов и торговцев солью. Для наших путников оставалась всего какая-то неделя-другая пути, а там – Париж и новые заботы. А пока первичная цель путешествия – граница французского королевства – была ими достигнута. Теперь нужно было её мирно и тихо преодолеть.

С каменными, совершенно непроницаемыми лицами и абсолютно не обращая никакого внимания на столпившуюся толпу крестьян с телегами, Николай и его товарищи проехали мимо столпотворения людей к сторожевой будке французской пограничной стражи. Появление трёх монахов в этих местах было вполне естественным делом. Иезуиты часто пользовались переходом у замка Жю по пути на восток и обратно. Крестьяне и купцы лишь искоса поглядывали на угрюмые, словно каменные изваяния, лица монахов и даже не пытались оспаривать с ними первенство прохождения границы. Николай в сопровождении друзей чинно и не торопясь подъехал к французскому служивому, который в это время принимал деньги за проезд границы у торговца солью. Бывший опер широким жестом перекрестил народ вокруг себя. Затем прочёл короткую молитву на латыни и доброжелательным тоном обратился к сержанту на французском языке. Тот радостно заулыбался и метнулся целовать протянутую ему руку «святого отца». Облобызав руку и посчитав, что выполнил перед церковью свой долг, сержант ещё раз с почтением поклонился и спросил:

– Куда путь держите, святые отцы? Верно, в Рим?

Для служивого поговорить с путешествующим иезуитом было интересно. Все знали, что пути монахов лежат в дальние страны, где простому человеку никогда не побывать. А узнать, как и где живут люди, весьма любопытно. Знал служивый и о благородной и тяжёлой миссии братьев иезуитов – нести Слово Господне тёмным, далёким и непросвещённым племенам, живущим где-то там, далеко на востоке и севере, где вечная ночь, холод и бескрайние снега. Так отчего же не совместить службу королю с праздным любопытством?

– Совершенно верно, сын мой, – смиренным тоном произнёс Николай. – Возвращаемся с чувством выполненного долга перед Господом нашим. В меру своих человеческих сил мы старались в дальних странах просветить заблудшие души и направить их на путь истинный, а теперь наш путь лежит обратно в Святой город Рим, к нашему наставнику, с рассказом о проделанной нами работе.

– Тяжёлая и опасная у вас служба, досточтимые святые отцы! – с почтением произнёс французский сержант.

– Истинно так, сын мой! Вера в Господа требует от его слуг беззаветной преданности праведному делу. Будь и ты, сын мой, непоколебим в вере в Господа нашего и не поддавайся

искушениям и соблазнам, которым подвергают неокрепшие души слуги Ада! Да пребудет душа твоя в покое и радости от честной и верной службы королю вашему!

– Слава Луи XIV, нашему великому солнцу, несущему тепло и радость своему народу! – громко рявкнул сержант.

– Да услышит наш Господь слова твои искренние, сын мой! – перекрестил Николай служивого.

– С вас троих, уважаемые святые отцы, – сержант на миг задумался, пересчитывая в уме величину пошлины, чтобы и королю угодить, но и себя ничем не обидеть, – это, значит, вместе с поклажей и плюс ещё за три ваши лошади! Значит, всего это будет, э... три ливра!

– А чего так, сын мой? – раскусил Николай нехитрый манёвр, – Вроде как в прошлый раз с нас брали за переход границы почтенного французского королевства поменьше, чем ноне ты назвал свою цифирь?

– Так то же было в прошлый раз, уважаемый святой отец, а в нынешнем месяце уже новый королевский указ вышел! – прямо даже как-то сочувственно вздохнул стражник и уже более тихим голосом добавил: – Вот если бы вы прибыли на месяц раньше, то проход через наш участок вам бы обошёлся в два ливра, а теперь уже ничего не поделаешь – три и никак не меньше. Честно говоря, я бы, как истинный католик, вас и безо всякой подати пропустил через свой пост, но, извините, святые отцы, служба! Я должен быть честным перед своим королём. Так что, пожалуйста, не обессудьте, не обижайтесь на меня и поймите создавшееся положение правильно!

– Да, воистину все мы ходим по земле лишь только по воле нашего Господа, который на радость французского народа сподобился ниспослать им такого благородного и умного короля, как Луи-солнце! – со смиренным видом тяжело вздохнул Николай и протянул стражнику аккуратно три ливра. – Получай, сын божий, монеты, и да ниспошлёт наш Господь здоровья, благодати и долгих лет жизни королю Франции и страждущему лучшей жизни народу этих благодатных земель.

– Да здравствует наш самый благородный и умный король Луи XIV! – вновь вытянувшись во фрунт, отчаянно рявкнул сержант, после чего приказал постовому, дежурившему у шлагбаума, незамедлительно открывать его и пропустить братьев иезуитов. – Доброго вам пути, святые отцы!

– Храни тебя Господь, сын мой! – смиренным тоном произнёс Николай и слегка прижал каблуками бока лошади. Та, не торопясь, потрусила вперёд, а следом за ней с равнодушным видом двинулись в путь Алексей Никифорович и Андрей Яковлевич.

Так «святая троица» наконец-то пересекла границу королевства Франции. Впереди ещё была целая неделя пути до столицы. Без особых приключений пересекли графство Франш-Конте и после уплаты очередной пошлины ступили на землю герцогства с многозначительным названием Шампань. Через полдня пути увидели главный путевой ориентир Франции – реку Сену. Наших же путешественников интересовал именно правый приток реки Сены. В конце дня переночевали в небольшом городке Лангр, а по утру – вновь бесконечная лента дороги, укатанная множеством колёс и утопанная многочисленными копытами лошадей и людских ног. Теперь путь до самого Парижа лежал уже вдоль правого берега реки Марны, притока Сены. Время от времени на пути попадались телеги крестьян со скарбом или товаром, который те везли на местный рынок. Богатые и не очень кареты вельмож, запряжённые двойками и четвёрками, под равнодушное гиканье кучеров неслись мимо неспешно едущих монахов. Некоторые, самые богатые, повозки были запряжены шестёрками лошадей. У таких экипажей на первой лошади сидел верхом фореитор. На запятках в богатых ливреях стояли слуги, а позади конная охрана. Такие проносились мимо с громкими криками фореиторов, требующих ото всех освободить дорогу Его Сиятельству.

– Ничего в нашем мире не меняется! – усмехнулся Николай, глядя вслед богатому экипажу, оставившему после себя на дороге тучу пыли. – Проблесковые маячки и сирены ещё не придумали, но суть та же самая – уступи, несчастный смерд, дорогу богатому владыке!

– Кому кочан, а кому кочерыжка! Всё во власти Господа нашего! – смиренно сложив руки на груди и посмотрев на синее, безоблачное небо, покорно произнёс Андрей Яковлевич.

– Не юродствуй! В своей алчности и заносчивости люди сами виноваты! – возразил Алексей Никифорович. – Против одного богатого – тысяча бедных.

– А у этого одного богатого есть пулемёт для тысячи бедных! – ответил Андрей Яковлевич и оглянулся на верхового с большой кожаной сумкой на плече.

Тот быстро нагонял их, но вскоре уже скрылся из виду. Вестовой даже не обратил внимания на трёх степенно едущих монахов. Для него было важно как можно быстрее выполнить поручение своих господ. Но чаще всего на дороге встречались пешие путники. Нередко среди них встречались и нищие. За их плечами были лишь тощие котомки, а измождённое тело прикрывала ветхая одежда. Пустой взгляд провалившихся глаз сопровождал Николая и его друзей. Оборванцы даже не перекрестились и не поклонились монахам в чёрных рясах. Кто-то из них смирился со своей долей, а кто-то был зол на весь мир. Бесконечные войны, как и непомерная гордыня, и тщеславие короля, его неутолимое стремление к роскоши, постепенно толкали страну и простой народ в безысходность обнищания. Один лишь великолепный Версаль короля сжирал чуть ли не пятую часть его казны.

После ночёвки в Реймсе друзья решили сделать небольшой крюк и посетить Сен-Пьер д'Овиллер.

Они намеревались увидеть своими глазами то, что их современникам уже лицезреть не суждено, а именно монастырь, в котором родилось самое знаменитое игристое вино под звучным названием – шампанское. А вылетающая из бутылки с оглушительным хлопком пробка – как напоминание о выстреле из старинного мушкета. Друзья никак не могли себе позволить упустить такую возможность.

Близился вечер. Хорошо накатанная многочисленными повозками дорога опустела. Отпала необходимость съезжать в густую траву и уступать её несущимся во весь опор каретам влиятельных господ и вестовым. Оттого теперь и ехать стало привольнее и гораздо проще, чем днём. До монастыря уже оставалось совсем немного. Дорога хоть и шла сквозь лес, но была сухой и достаточно ровной. Скоро лес закончится и на вершине холма, среди многочисленных виноградников, покажутся стены монастыря бенедиктинцев. Эту дорогу из Сен-Пьер д'Овиллер в Реймс можно было назвать «винная дорога». Отсюда белое вино из богатых монастырских подвалов начинало свой путь к королевскому дворцу. Бесчисленные праздники с богатыми столами были обыденным делом для скучающей во дворце короля богатой публики. Луи любил проводить для своих вельмож в Версале грандиозные театрализованные праздники. Однажды для этих нужд была построена целая флотилия уменьшенных копий самых знаменитых французских кораблей. На этих кораблях под музыку придворного оркестра по водным каналам сада Версальского дворца плыл король со своей свитой, а на берегу специально для этого спектакля была отстроена мини-деревня, жители которой радостно встречали своего повелителя. Деньги и вино в королевском дворце лились рекой. Чем-то ведь нужно было ублажать три тысячи «добровольных заключённых» великолепного дворца. Французский король придумал самый простой и хитрый способ исключить самую возможность возникновения заговора против себя любимого – держать возможных заговорщиков поблизости подле себя, под бдительным оком верных короне людей тайной королевской Охранки.

А между тем лошади медленно, но верно переносили путешественников к их цели – монастырю братьев бенедиктинцев. Погода, можно сказать, стояла отличная. Солнце хотя уже начало прятаться за кроны деревьев, но всё же ещё пригревало. Дождь на голову не капал, дорожная суета утихла. Всадникам представилась возможность немного расслабиться. Ещё

чуть-чуть и покажется гостеприимный для путников монастырь, но вдруг друзья услышали впереди себя шум, крики и ругань. Троица прибавила ходу и уже через несколько минут за крутым поворотом они увидели на обочине дороги одиноко стоящую под деревьями конную упряжь. На телеге возвышалась большая бочка, а на ней верхом сидел монах в чёрной рясе. Капюшон откинут. Короткие, седые волосы на голове топорщатся. Сам монах гневно ругался и как умел отбивался то ногой, то посохом от наседавших на него вооружённых оборванцев. Те же, в свою очередь, не обращали никакого внимания на попытки монаха придать их шайку анафеме, как и не реагировали на угрозу, что они все будут отправлены в ад и сгорят там в чудовищном пламени. Разбойники всё наседали и наседали на одинокого монаха. Как Николай понял разбойников, тех интересовала именно сама бочка, а монах никак не хотел им её отдать. Главарю наконец удалось всё-таки схватить за ногу усердно брыкающегося монаха. Но тот отнюдь был не промах. Монах достаточно ловко извернулся и второй ногой заехал разбойнику прямо в глаз. Тот тут же отлетел в сторону, упал на спину, схватился рукой за покалеченный глаз и завопил благим матом.

– Ах ты, чёртов католик! Ещё брыкаться будешь! За какую-то поганую бочку вина честных людей в глаз бить! Ну теперь тебе живым от нас не уйти! Хватай его, ребята! – рассерженно заорал главарь, при этом вставая с земли и нервно потирая ушибленный глаз.

Главарь «маршальским» жестом указал своим подельникам на гордо восседающего на бочке монаха. Крикнул им что-то ободряющее и вновь с отчаянным визгом ринулся на штурм телеги. Толпа обиженных голодранцев истошным рёвом поддержала своего предводителя, и они подобно изголодавшейся стае набросились на повозку. На этот раз они действовали более слаженно. Несколько разбойников держали лошадь за уздцы, в то время как остальные пытались взобраться на телегу. Атакующих навалилось больше десятка, и теперь монаху стало труднее отбиваться от них. Вскоре его схватили и под дружное улюлюканье разбойников стащили на землю. При этом монах крепко приложился головой оземь и громко застонал. Главарь же победно заорал, быстро забрался верхом на поверженного монаха и с ходу влепил тому в отместку под глаз. После чего вытащил из-за пояса кривой нож и стал поигрывать им перед глазами захваченного в плен противника. Предводитель шайки с гордым видом оглядывался на стоящих вокруг него подельников.

– Господа разбойнички, что будем делать с этим хриstopродавцем? – громко закричал главарь с горящими от предвкушения мести глазами.

– Смерть всем католикам! – заорала вразнобой толпа. – Режь гада! Пусть он умоется своей кровушкой! Католики нас не жалели, когда врывались в наши дома, когда насиловали наших жён и убивали наших детей! Теперь и мы их жалеть не будем! Где поймал – там и убьём! Всех до одного убьём!

– Я никогда не убивал гугенотов⁴! – крикнул в своё оправдание поверженный наземь монах. – Моё дело – виноградники и вино! Я лишь мирный келарь⁵!

– А нам всё одно – келарь ты или архиепископ католический! Вы там все одним миром мазаны! Все вы против нас! Даже сам король от нас отвернулся и издал свой богопротивный эдикт, по которому гугенотам хоть так, хоть эдак, а всё одно – смерть. Теперь нам остаётся только подохнуть подобно бесправным скотам! – гаркнул главарь и занёс нож над монахом.

– Режь гада! – тут же иступленно заорала ликующая толпа, предвкушающая кровь и страдания своей жертвы. – А потом обмоем нашу победу! Вот гад. Целую бочку вина в свой монастырь тащил!

---

⁴ Гугеноты – французские протестанты. Преследовались католической церковью и государством. В 1572 году в канун дня святого Варфоломея в Париже было вырезано более 2000 протестантов. При Людовике XIV их насильно обращали в католиков. Из Франции в другие страны Европы бежало более 200 000 гугенотов.

⁵ Келарь – монах, заведующий монастырским столом и кладовой съестных припасов, а также распоряжающийся отпуском продовольствия для нужд кухни.

– Бочка пустая! Всё вино наши монахи-бенедиктинцы продали в городе! – попытался оправдаться келарь.

– Врёшь, скотина! – заорал главарь банды.

– Всем не двигаться или вы тут же умрёте на месте! – ещё не доезжая до места расправы, мощным басом заревел Николай на французском и пришпорил коня. В его руке уже блеснул воронёной сталью «Макаров». – Оставьте в покое монаха, богохульники, и я не отниму вашей жизни!

Разбойники в азарте религиозной мести, густо замешанной на примитивном инстинкте, не сразу заметили, что они на дороге не одни, а когда увидели, что на помощь поверженному и обречённому на заклятие монаху-католику скачут на подмогу ещё трое, их одолела ещё бóльшая злоба. Они громко заорали, ощерились и неорганизованной толпой ринулись на новых врагов. Главарь оказался быстрым и хитрым. Он, не медля ни секунды, схватил за грудки тщедушного пожилого монаха-келаря, рывком поднял того на ноги и, прикрываясь им, стал отступать к лесу. Ему явно не хотелось рисковать своей жизнью и идти в атаку на скачущих во весь опор монахов. Такими же «умными» оказались и четверо разбойников. Они пытались побыстрому втолковать упрямой монастырской лошади, что ей тоже следует идти с ними в лес, но та упёрлась и ни в какую не хотела тащить телегу с бочкой через бурьян в непролазную чащу.

Но нашлись и те разбойники, которые не побоялись и пошли в пешую атаку на конных. Они оказались не так уж и просты. Вооружённые длинными заострёнными палками, они быстро образовали две шеренги. Первый ряд воткнул их под углом в землю. Вторая шеренга приготовила большие ножи для кровавой жатвы. Похоже, что среди этих разбойников имелись бывшие копейщики. Они знали, как останавливать скачущих во весь опор всадников.

– Ну нет! Так дело не пойдёт! – крикнул несущийся рядом с Николаем Алексей Никифорович и вытащил из-под рясы пистолет.

Тут же прозвучал выстрел, и один из разбойников-копейщиков с диким воплем рухнул на землю. Второй выстрел последовал из пистолета Андрея Яковлевича, и ещё один «копейщик» с перекорёженным от боли лицом корчился на земле. Третий выстрел произвёл Николай. Ему удалось ранить в ногу главаря шайки. Тот озлобленно закричал от боли, но не отпустил монаха. Разбойники явно не ожидали, что монахи-католики окажутся вооружёнными огнестрельным оружием. Неожиданный гром выстрелов, стоны раненых и яростные крики нападавших монахов сделали своё дело. Разбойники дрогнули. Они видели, что главарь их бросил и пытается уйти в лес. Началась паника. Грабители с воплями бросились врассыпную, оставляя на земле своих покалеченных собратьев. Главарь же, держась рукой за рану на бедре, морщился от боли и, грязно ругаясь, поспешно ковылял в сторону леса. Проходя мимо озабоченных лошадей и телегой подельников, заорал на них:

– Чёрт с ней, с бочкой! Уходите в лес! Пусть эти богомерзкие католики утонут в своём провонявшем вине!

Но грабители были слишком жадными, чтобы расстаться с целой бочкой вина. А между тем лошадь испуганно ржала, всё пытаясь вырваться из их рук. Внезапно она изловчилась и ударила копытом держащего её за уздцы разбойника и неожиданно рванула в сторону монастыря. Грабители, видя такое дело, бросили валяться на земле своего орущего от боли подельника, а сами с дикими воплями скрылись в лесу.

Андрей Яковлевич поскакал вслед за обезумевшей от страха лошадей. Николай тем временем подъехал к лежащему на земле монаху и быстро спешился. Наклонился над ним. Пострадавший лежал на спине, без сознания, с бледным лицом. Одежда порезана, а левый бок влажный и липкий от сочившейся крови.

Пока Николай осматривал монаха, вернулся Андрей Яковлевич. Ему удалось остановить испуганную лошадь и вернуть её обратно вместе с телегой и бочкой. Алексей Никифорович приглядывал за лесом, но разбойников уже и след простыл. Осмотр монаха показал, что

главарь разбойников, убегая прочь, всё-таки успел пырнуть его ножом. Но монаху несказанно повезло. Нож наткнулся на рёбра, соскользнул и лишь рассёк мышцы, не повредив лёгкое. Повезло и в том, что разбойник не успел нанести повторный удар ножом. Правда, монах потерял крови достаточно много. А от болевого шока он лишился чувств и пока не приходил в себя. Ряса и нательная рубашка насквозь пропитались кровью. Чтобы добраться до раны, пришлось разрезать одежду.

– Чистую ткань и флягу с водкой! – попросил товарищей Николай.

Сделал большой тампон из чистой ткани. Смочил его водкой и начал, не торопясь, тщательно обрабатывать рану. Водка жгла рану не хуже открытого пламени. Монах резко дёргался от каждого прикосновения тампоном и громко стонал.

– Тише, тише, брат! Потерпите, пожалуйста! Сейчас вам станет немного легче! – обратился Николай к монаху на французском, плотно стягивая на его груди повязку.

Пострадавший медленно открыл глаза, но зрение отказывало ему. Лица стоящих перед ним людей выглядели лишь размазанными пятнами. Зрение у монаха и так было неважным, а пережитый стресс лишь ухудшил его. Некоторое время монах лежал с закрытыми глазами и на слух пытался понять, в чьих он руках. Но безуспешно. Вскоре он вновь потерял сознание. Прошло ещё некоторое время. Наконец пострадавший заново пришёл в себя. Он с трудом открыл глаза и ещё раз попытался рассмотреть говорившего с ним человека. С горем пополам ему это удалось. Он увидел, что незнакомец был в рясе монаха. «Значит, это не разбойники!» – обрадовался бенедиктинец. Напряжение, которое до того сковывало его тело, наконец отпустило. Он понял, что его жизни теперь уже ничего не угрожает.

– Братья, – слабым голосом простонал монах, – спасибо вам за помощь! А я уж было снова испугался, что нахожусь в руках жаждущих кровавой мести гугенотов. Если бы не вы, то чую, что сегодняшний день был бы последним в моей жизни! До конца оставшихся дней я буду благодарен вам за своё спасение, братья мои!

– Постарайтесь без особой нужды не ворочаться и по возможности лежать спокойно! – попросил пострадавшего бывший опер.

– Хорошо, постараюсь исполнить вашу просьбу, брат мой, но жутко нестерпимо саднит бок, – сквозь зубы, стараясь не стонать, произнёс монах, но тут же вновь заволновался, но уже совершенно по другому поводу. – А где брат Винцент? Я что-то его здесь не вижу! А вы его не видели, он не пострадал от разбойников?

– С вами был ещё кто-то? – уточнил Николай.

– Да, я вместе с братом Винцентом ездил в Реймс. Мы вдвоём отвозили несколько бочек монастырского вина для двора Его королевского Величества и заодно небольшую бочку для свадьбы уважаемых людей города. Мы родителям молодожёнов продали вино с хорошей скидкой, как подарок от монастыря молодой семье. Пусть в столь торжественный для молодожёнов день наше вино доставит уважаемым людям хоть малую, но всё-таки радость. В нашей грешной жизни не столь и много нам предоставлено радоваться, а если люди искренне любят друг друга – это уже радость!

Престарелый монах, несмотря на боль, счастливо улыбнулся. Потом машинально провёл рукой по кушаку, и улыбка с его лица мгновенно исчезла. Он ещё раз торопливо ощупал кушак и, чуть не плача, спросил:

– А где мой кошель? Братья, вы не видели мой кошель? Там у меня были монастырские деньги за всё проданное в Реймсе вино!

– Нет, уважаемый брат наш, к сожалению, мы были ещё слишком далеко от места, где вам повстречались разбойники, и мы не смогли во всех подробностях что-либо разглядеть! Мы с братьями только видели, что разбойники намеревались вас убить, и тут же поспешили к вам на помощь!

– Как сейчас помню: главарь разбойников стащил меня с бочки, завалил на землю и стал угрожать своим огромным ножом! Так это, верно, он и ограбил меня! Когда удирал в лес, сорвал у меня с кушака мой кошель, а затем ударил ножом. Ой, боже! Там были все деньги монастыря за всё проданное нами с Винцентом вино! Какой позор на мою седую голову! Я не смог сохранить деньги братьев своих, а они столько сил отдали, чтобы королевское вино созрело и было вовремя подано к столу Его Величества! Что я теперь скажу нашему наставнику? Как оправдаюсь перед братьями, архиепископом?!

На глаза монаха навернулись слёзы, и он отвернулся от сочувственного взгляда Николая. Пока пострадавший не видел, бывший опер оглянулся на товарищей. Те согласно кивнули.

– Не расстраивайся, брат наш! Возможно, ваш кошель спас вам жизнь. Если бы не он, то у разбойника было бы больше времени, чтобы изловчиться и нанести вам повторный, смертельный удар. Кстати, сколько было денег в вашем кошельке?

Престарелый монах с безразличием пропустил мимо ушей объяснение Николая. Его не волновало, что украденный кошель спас ему жизнь. Значительно больше волновало престарелого монаха именно то, как он будет выглядеть в глазах своих братьев, вернувшись без денег за проданное вино. Бенедиктинец тяжело вздохнул и начал тоном истинного педанта перечислять убытки:

– Сами считайте, уважаемые братья мои, насколько велики потери нашего ордена. Три бочки по двадцать шесть вёдер для королевского двора. Это шесть луидоров и два эю. Для свадьбы мы продали одну бочку на тринадцать вёдер. А это ещё один луидор. Мы ведь скидку молодожёнам сделали. Значит, всего разбойниками было украдено семь луидоров и два эю. Обратно мы с братом Винцентом уже везли пустую бочку. Главарь шайки разбойников, видимо, подумал, что бочка ещё полна монастырского вина! Ха! Как же! Запах-то от неё шёл такой пьянящий! Будто и впрямь бочка полна-полнёхонька. Вот несчастные разбойные люди и озверели до беспамятства. Грех-то какой великий, когда человек человека убивает из-за алчности и жажды наживы. Трудись, и Господь не забудет тебя! Терпеливому всегда воздастся!

– Народ в тех далёких краях, где нам с братьями удалось побывать, обычно в подобных случаях говорит: «На Бога надейся, да сам не плошай!» – с улыбкой произнёс Николай и достал из своего кошелька восемь золотых луидоров. – А ещё говорят: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!». Так что вот, держите, брат наш, восемь луидоров от ваших новых друзей!

Бывший опер подал монаху деньги и осторожно поправил на ране немного съехавшую повязку. Пожилой монах зажал бесценные для него монеты в сухонькую ладошку и с глазами, полными благодарности, медленно оглядел стоявших рядом с ним новых знакомых. Затем вздохнул и перекрестился, вознося хвалу Господу за чудесное избавление от лихих людей и позора перед братьями ордена.

– Деньги я вам непременно сполна все верну, дорогие братья мои! Причём сразу, как только у меня появится такая возможность! – воскликнул монах, благодарно сжимая ладонь Николая. А вот за Винцента я действительно сильно беспокоюсь. К старости я стал слабеть зрением и плохо вижу! Может, он всё-таки где-то рядом лежит и с нетерпением ждёт нашей помощи.

Монах попытался привстать, но болезненно поморщился и снова опустился на своё импровизированное ложе. Он беспомощно оглянулся по сторонам, пытаясь в надвигающихся сумерках что-либо разглядеть. Друзья тоже ещё раз внимательно осмотрелись, но вокруг никого не было. Раненые разбойники каким-то чудом сумели уползти прочь. В окружающем их лесу было совершенно тихо. Как будто вовсе и не было никаких разбойников. Ни голоса потревоженной птицы, ни хруста сухой ветки.

– По крайней мере, здесь мы не видим вашего брата, но, может, он нам по дороге в монастырь попадётся, – ободряющим тоном произнёс Николай. – Скорее всего, ваш Винцент просто убежал.

– Сбежать в трудной ситуации – это вы угадали, брат! Это больше всего на него похоже. Винцент от природы немного трусоват, но сам по себе вполне даже и ничего парень, достаточно исполнительен, старателен, трудолюбив. Он мне неплохо помогает в работе в винохранилище. Скорее всего, так и есть. Он действительно убежал в монастырь, если, конечно, ему удалось скрыться от разбойников! Хотя Винцент молод и зряч, а я стар и слеп. Ему гораздо легче было сбежать от разбойников, чем мне. К тому же я никак не мог себе позволить оставить в руках алчных разбойников монастырскую лошадь и телегу с бочкой! А после чудесного спасения моей жизни мне нужно своими трудами благодарить Господа за то, что он привёл вас, братья мои, в Сен-Пьер д’Овиллер именно этой дорогой, – уже оптимистическим тоном закончил монах.

– Надеемся, что Винценту всё-таки удалось убежать от разбойников, – выразил общую надежду Николай. – Ну а вы теперь наверняка сможете в своей жизни ещё много чего достичь!

Старый монах с благодарностью посмотрел на своих спасителей и вдруг спохватился и извиняющимся тоном произнёс:

– Простите меня, старика! Совершенно памяти лишился в этой суматохе. Забыл вам представиться. Меня зовут Пьер Периньон. Я являюсь келарем в монастыре бенедиктинцев в Сен-Пьер д’Овиллер.

Алексей Никифорович будто и ждал этой минуты. Он удовлетворённо кивнул и уже с нескрываемым интересом посмотрел на монаха, а затем произнёс на немецком:

– Братья мои, я так понимаю, что мы имеем честь лицезреть самого брата Пьера Периньона. Человека, которому мы обязаны принести слова благодарности за возможность наслаждаться прекрасным вкусом искрящихся шампанских вин! Если вы, уважаемый брат Периньон, хоть сколько-нибудь понимаете мой немецкий, то примите от меня слова искренней благодарности! Я думаю, что мои братья с неменьшей искренностью присоединятся к моим словам.

Хоть старый монах и не так хорошо понимал по-немецки, но главное он всё-таки сумел разобрать: незнакомец, прибывший из дальнего странствия, высказал своё восхищение его винами! Монах округлил от удивления глаза. У него даже выступили слёзы умиления. В этот момент казалось, что он совершенно забыл о своей совсем недавней ране и о той боли, что она ему ещё доставляла. Его впервые в жизни благодарили иностранцы – за дело, которому он посвятил свою душу и сердце.

– Благодарю вас, дорогой брат...

– Алекс, зовите меня просто брат Алекс, дорогой брат Периньон! – представился Алексей Никифорович. – А заодно разрешите вам представить моих братьев: Николя и Андре.

– Очень приятно слышать такие лестные слова в мой адрес, братья мои! Но я очень удивлён, что в дальних землях знают о моих винах и так высоко ценят их. К сожалению, в наших землях отношение многих людей к моим винам гораздо прохладнее, чем вы думаете, хотя в меру своих сил я стараюсь работать над улучшением их свойств, чтобы мои сорта вин действительно стали гордостью нашего монастыря. У меня есть мечта создать игристый пенный напиток. Я много работаю над этим. Но игристые вина весьма трудно хранить. Они отчего-то очень часто взрываются, а это вызывает сильное недовольство покупателей вин и нашего настоятеля. Мало кто хочет брать бочку вина, которая, словно подлый враг, в любой момент может взорваться и принести достаточно весомый материальный урон.

– А вы не пробовали, брат Пьер, хранить ваши игристые вина при низких температурах, в тёмных стеклянных бутылках и затыкать их дубовыми корковыми пробками? Не побрезгуйте подсказкой человека, который много моложе вас, и вы будете удивлены, что хранить ваше вино окажется гораздо легче! И конечно, очень важен терруар⁶. Именно от него зависит, какой будет

---

⁶ Терруар – совокупность почвенно-климатических факторов и особенностей местности, определяющая сортовые харак-

букет вкусовых ощущений у будущего вина. Так сказать, характер созданного вами напитка, – посоветовал Николай, припоминая свою экскурсию по закромам знаменитой крымской Мас-сандры.

– А откуда вы, молодой человек, знаете, как хранить мои игристые вина, если я и сам толком не пойму, как это должным образом делать? – подозрительно прищурившись, поинтересовался монах.

– Химия, уважаемый брат Пьер, это всего лишь мои скромные познания в науке о природе жидких и твёрдых веществ, а также их взаимодействиях, – отговорился Николай. – Вот вы, например, как храните своё вино и чем затыкаете горлышко сосудов?

– Ну я предпочитаю хранить своё вино в основном в дубовых бочках, а затыкаем их деревянной пробкой, обёрнутой тряпкой.

– Вот в этом-то и всё дело, дорогой брат мой. Я думаю, что нам с вами необходимо вместе поработать над проблемой хранения ваших вин! – Николай быстро обернулся и посмотрел на хитро улыбающихся друзей. Они хотя и не очень-то понимали по-французски, но прекрасно чувствовали, о чём сейчас договаривается их товарищ. Тёплый приём в монастыре с дегустацией монастырских вин им будет обеспечен. А между тем Николай продолжал развивать приятную тему: – Здесь весьма важен такой фактор, как температурный режим хранения ваших вин, а также надо тщательно подумать над пропорциями купажирования⁷ вин! Кроме того, необходим верно изготовленный ликёр, без которого правильное игристое вино просто не сможет долго храниться. Верные пропорции ликёра являются квинтэссенцией производства шампанского. Ну и, конечно, как же без строгого соблюдения самого процесса производства вина!

Седой монах со смешанными чувствами радости и умиления смотрел на посланного ему каким-то чудом молодого человека. Он радовался тому, что у него наконец-то появился увлечённый виноделием соратник, который будет ему помогать не по принуждению, как Винцент, а по искреннему зову сердца.

– Видимо, мне сам Бог послал вас – с такими чудесными идеями и познаниями в виноделии! Вы случайно родом не из Венеции? Что-то ваше произношение французского напоминает мне о моих знакомых братьях из тех мест!

– Наш путь лежит обратно в Рим, а Венеция не так и далека от божественного города, куда мы должны привезти свои познания о тех местах, в которых нам с братьями удалось побывать, – уклончиво ответил Николай.

– Понимаю-понимаю вас, брат мой! Ваша миссия полна секретов, которых простому монаху вроде меня лучше и не касаться. Но я полагаю, что мои братья в монастыре с радостью приютят вас. Предоставят вам кров и еду. А наш уважаемый архиепископ Реймский Шарль Морис Ле Телье будет безмерно рад вас всех видеть в Реймсе и поговорить с такими умными людьми. Не всякий монах имеет возможность побывать в дальних странствиях, да ещё и в загадочных северных землях. Тем более что вы имеете достойные познания в виноделии и в науках! – радостно воскликнул Пьер, увидев в лице Николая не только своего спасителя, но нового соратника в постижении чуда процесса рождения вкусного и красивого игристого напитка. Ведь сколько много бракованных бутылок вина остаётся в подземельях монастыря. Ведь, как великий энтузиаст виноделия, уважаемый Пьер Периньон не пытался понять секрет игристого вина, но по-настоящему вкусный напиток у него получался лишь в очень редких случаях и то совершенно случайно.

– Как вы себя чувствуете, брат Пьер? Мы бы вас ещё бы некоторое время не потревожили. Для скорейшего заживления раны было бы даже лучше, если бы вы более длительное время находились в малоподвижном положении, но уже смеркается, скоро наступит ночь, а кругом

теристики сельскохозяйственной продукции.

⁷ Купажирование – процесс смешивания различных сортов вин.

лишь дикий лес. Так что нам бы поскорее отправиться в путь. Холод и сырость вам сейчас крайне нежелательны, но мы с братьями беспокоимся: сможете ли вы перенести дорогу до монастыря? – поинтересовался у монаха Николай.

Старый служитель ордена бенедиктинцев поблагодарил Николая за проявленную о нём заботу и на некоторое время затих. Он прислушивался к своим внутренним ощущениям. Потом светло улыбнулся и произнёс:

– Вашими молитвами и усердием, добрые братья мои, я сейчас живу, радуюсь и надеюсь, что буду жить и дальше! И, знаете, боль в груди стала терпима. Надеюсь, что с божьей помощью я вынесу обратную дорогу до монастыря.

– Вот и хорошо! – удовлетворённо произнёс Николай и попросил друзей помочь ему осторожно перенести монаха на телегу, а сам пристроился на повозке за кучера.

Алексей Никифорович привязал лошадь зятя к своему седлу, и так они все вместе тронулись в путь к монастырю братьев-бенедиктинцев. До аббатства Сен-Пьер д’Овиллер оставалось всего одно льё⁸.

Где-то через час телега брата Пьера под управлением Николая, то есть брата Николая, в сопровождении конного эскорта «братьев-иезуитов» Алекса и Андре подъезжала к воротам монастыря братьев-бенедиктинцев. Было уже темно. Громким стуком припозднившиеся путники оповестили обитателей монастыря о своём запоздалом прибытии. Ждать пришлось недолго. Вскоре открылось слуховое окошко на воротах, и в нём показалось худощавое лицо монаха. Он уже было открыл рот, чтобы узнать имена и обстоятельства, которые привели ночных путников к монастырю, но сумел узнать силуэт телеги с бочкой, на которой уехал брат Пьер. Молодой монашек обрадовался, засуетился и, обернувшись, крикнул кому-то:

– Там, за воротами, телега нашего брата Пьера!

И прежде чем Николай успел что-то объяснить, в слуховом окошке показался другой монах. В противоположность первому монаху у этого лицо выглядело огромным, решительным и властным.

– Кто вы такие и откуда у вас наша телега? – раздался рокошующий бас.

– Мы братья ордена иезуитов и находимся в странствии, выполняя волю нашего владыки и священный долг обращения к нашей вере язычников в дальних землях. На вашей телеге мы привезли раненого вашего собрата.

– Так он жив? – с сомнением спросил из-за ворот первый монах.

После чего этот же вопрос повторил монах с властным лицом. Он пытался получше разглядеть ночных гостей.

– Бог послал нас в помощь вашему брату Пьеру. Нам удалось отбить его у шайки разбойников, но ему требуется немедленная помощь лекаря, – принялся объяснять Николай.

– А где он сам? Что-то я его не вижу с вами, – засомневался бенедиктинец.

Он отнюдь не торопился открывать ворота монастыря. Услышав знакомые голоса, брат Пьер попытался встать и заявить о своём присутствии, но значительная потеря крови вынудила его снова лечь. Его голос быстро осип, и дальше монах смог только громко шептать, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы дежурившие на воротах бенедиктинцы признали в приехавшем человеке своего брата. Вскоре бесшумно открылись тяжёлые ворота монастыря, и парочка монахов в тёмных рясах бросились к телеге. Полный бенедиктинец удостоверился, что на телеге находится именно их брат, и, не скрывая радости, трижды перекрестился. Затем укоризненно оглянулся на молоденького монаха, который стоял поодаль от них и боялся подойти поближе к телеге. Ему явно было стыдно за малодушие, которое он проявил при нападении разбойников.

---

⁸ Льё – старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное льё равно 1/25 градуса земного меридиана – 4444,4 метра.

– Здравствуй, наш брат Пьер! Слава Господу нашему, что ниспослал тебе защитников. А то брат Винцент сегодня вечером принёс нам дурную весть про твою гибель. Но, слава Богу, он ошибся, и всё обошлось! – со счастливой улыбкой произнёс широкоплечий монах. Он ещё раз укоризненно оглянулся на молодого бенедиктинца и приказал ему: – Подойди сюда, брат Винцент, и попроси прощения у брата Пьера за несправедные слова свои и трусость, которую ты проявил при защите имущества монастыря и жизни брата нашего!

Молодой монах, виновник ложной тревоги, не смея посмотреть на кого-либо, семенящей походкой подбежал к телеге. Его лицо отражало смесь раскаяния и радости. Он припал к правой руке брата Пьера, которая плетнём свисала с борта телеги. Винцент некоторое время собирался со словами, но в конце концов лишь горестно заплакал, отпустил руку Пьера, упал на колени перед телегой и стал истово молиться во славу Господа. Рослый монах тоже трижды перекрестился, отступил в сторону и поклонился тихо подошедшему пожилому настоятелю монастыря. Тот мельком посмотрел на бледное лицо пострадавшего и обратился к гостям:

– Благодарим вас, благородные братья-иезуиты, за спасение нашего брата Пьера. Сегодня уже поздно. Вы, очевидно, устали с дальней дороги, оттого прошу вас разделить с нами кров и пищу, что сегодня ниспослал нам Господь наш! Я являюсь настоятелем сего монастыря братьев ордена бенедиктинцев. Зовите меня аббат Изидор. Брат Бастиан закроет ворота, а затем проведет вас до конюшни. Там оставьте ваших коней и приходите ко мне. Я буду в обеденном зале. За своих лошадей не беспокойтесь. За ними должным образом присмотрят наши братья. Брата Пьера к нашему брату-лекарю отвезёт брат Винцент. Пусть тот посмотрит, насколько тяжелы раны, и решит, как можно помочь, брату Пьеру. Как только поставите в конюшне ваших лошадей, брат Бастиан проводит вас ко мне. Там, за скромной трапезой, мы все вместе помолимся и поговорим о делах наших насущных.

Друзья представились аббату Изидору латинскими вариантами своих имён и поблагодарили его за возможность переночевать в монастыре. Настоятель ещё раз внимательно оглядел гостей, их лошадей и кинул быстрый, но острый взгляд на дорожные баулы. Хотел что-то спросить, но тут где-то вдали послышались приглушённые хлопки. Словно там давали праздничный салют. Беспорядочные выстрелы быстро переходили в сплошную канонаду взрывов различной громкости. Настоятель тяжело вздохнул, с горестным видом посмотрел на лежащего на телеге Пьера. Тот порывался встать и что-то объяснить аббату, но резкая боль в боку не давала ему это сделать. Раненый монах лишь горестно вздохнул, возвёл очи к небу, лёг на спину и стал тихо молиться. Настоятель монастыря, несмотря на свой преклонный возраст, быстрым шагом удалился, а брат Винцент подошёл к Николаю и тоненьким, ломающимся юношеским голосом произнёс:

– Не угодно ли брату Николаю уступить мне место возницы?

– А что это у вас в монастыре за стрельба такая странная происходит? – удивлённо глядя на тщедушного монаха-подростка, спросил Николай.

– Это у нас, к сожалению, часто случается. Так в наших подвалах разрываются бочки и бутылки с кислыми сортами вин, над которыми ставит свои опыты брат Пьер. У нас в Шампани температура воздуха ниже будет, чем в Бургундии, поэтому сладкий виноград у нас никак не приживается. Вот и приходится нам довольствоваться только кислыми сортами винограда. Мы в этом году молодой урожай винограда уже собрали, а это прошлогодний изволит бродить. Вот и разрывает сосуды, в которых брат Пьер его пытается сохранить. Мне кажется, что всё это совершенно пустое занятие! Наш уважаемый келарь тщетно мечтает укротить эту сумасшедшую силу. Но пока его опыты приносят нашему монастырю одни большие убытки. Больше половины заложенных на вызревание вин теряем из-за вот таких взрывов! Наш настоятель, уважаемый Изидор, добрая душа, всё терпит бесполезные опыты брата Пьера. Надеется на помощь Господа, что в один прекрасный день тот сумеет всё-таки добыть не менее прекрасное шипучее вино. Скажу честно, оно иногда у нас получается, но это уже скорее вопреки, а не

благодаря стараниям брата Пьера. Я начинаю сомневаться в успешности сего сомнительного предприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.